

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Кариди Гражданская жена

Екатерина Руслановна Кариди

Гражданская жена

Серия «БЫВШИЕ», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67472096

SelfPub; 2022

Аннотация

Они прожили вместе гражданским браком почти десять лет. Начиналось все как женском романе – босс и секретарша. Горячо, страстно. Не женились, Вера всегда считала, зачем, что значит какая-то бумажка? Сыну Вовке девять. Он ушел в день рождения сына, бросил ее. Жизнь перевернулась в одночасье. Что теперь предпримет бывшая гражданская жена? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
***	18
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	48
***	53
Глава 6	61
***	70
Глава 7	76
***	81
Глава 8	85
Глава 9	97
***	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Екатерина Кариди

Гражданская жена

Глава 1

– Вера Дмитриевна, все в порядке?

Шеф нервно сглотнул. Видно, что сам волнуется еще больше. Не удивительно, для него многое впервые.

– Разумеется, – Вера быстро кивнула.

Гаджет отправился в карман. Дальше уже ничего сложно-го? Просто войти. Ведь так? Но именно сейчас волнение достигло предела. Она мазнула повлажневшей ладонью, разглаживая несуществующие складки на идеально сидевшем деловом костюме.

А потом расправила плечи и прошла эти оставшиеся метры до открытой двери.

Чтобы прямо с порога уткнуться в мужчину, которого меньше всего хотела видеть.

Полгода назад.

На девятый день рождения Вера решила сделать сыну необычный подарок. Справляли в квесте, и уж там ему было где разгуляться. Замечательно прошло, жаль только, что не муж не смог прийти. Командировка. Вовка спрашивал несколько раз, но Вера не звонила, не маленький, должен понимать, отец занятой человек, работает день и ночь.

Сын там так напрыгался и наигрался, что утомленный впечатлениями, уснул в половине десятого прямо за компом. Зашла погнать его чистить зубы перед сном, вечно заигрывается и забывает, а тот уже улегся на клавиатуру.

Так похож на отца, крупный и крепкий. Тот же профиль, нос... На семерых рос, одному ему достался. У мужа тоже был крупный породистый нос, это придавало лицу выразительности. Полюбовалась немного, потом растолкала и погнала в постель.

Когда зашла в его комнату через несколько минут, Вовка уже спал. Упрямые вихры разметались по подушке, брови сосредоточенно сведены, сопит. Улыбнулась, деловой мужик растет.

Обвела взглядом комнату – на диване, на столе, на ковре, везде подарки. Но главный подарок, это она знала точно, будет потом, когда приедет отец. Он всегда дарил мальчику что-нибудь особенное. Дорогое, значимое. Баловал.

Он вообще их баловал. Все самое лучшее, шикарная квартира, деньги. Другое дело, что Вере, кроме его любви и обыч-

ного человеческого общения, ничего не было нужно. Только, к сожалению, в последнее время все меньше времени оставалось на это самое общение.

Уже больше года Александр пропадал на работе сутками, приходил домой поздно, злой, напряженный, и сразу заваливался спать. Хотя, конечно, кого угодно доконают вечные встречи, переговоры, командировки, тендеры, бесконечные совещания. Вера не удивлялась, ей хорошо было знакомо все это. Сама варилась в том котле много лет.

Потому и никогда не звонила ему первой, что в любой момент можно было нарваться на совещание. У него важная встреча или напряженные переговоры, а тут она со своей ерундой. С мелкими бытовыми проблемами Вера прекрасно справлялась сама.

Улыбнулась воспоминаниям. Она начинала у Александра Верховцева стажером на преддипломной практике, потом какое-то время работала младшим офис-менеджером. Постепенно доросла до личного помощника и в какой-то момент стала просто незаменимой. Настолько незаменимой, что теперь вот сидит у него дома, рубашки гладит, трусы и носки стирает. Самой смешно стало.

Размышления прервал звук ключа в замке.

Встрепенулась, сердце подпрыгнуло, наливаясь радостью. Тихий щелчок, чтобы его уловить, надо было обладать очень тонким слухом, но Вера всегда слышала, когда он приходил, даже сквозь сон. Вот сюрприз, она уже не ждала его сегодня!

Побежала в прихожую, встречать. Столько лет прошло, а у нее на него все та же реакция – как будто солнце взошло. Но Вера не показывала, всегда прятала это состояние души, оставляя только блеск в глазах, не любила докучать ему излишним проявлением чувств. Александр и сам был человек весьма закрытый, тяжелый и властный.

Это в постели он раскрывался с неожиданной стороны, становился необузданным диким захватчиком... Когда-то.

Столько лет прошло, привыкли друг к другу, не все же вулкану пылать. У них давно уже было спокойно и ровно в постели. И уже нечасто, иногда. Но сегодня это почему-то ощущалось ярко, совсем как прежде. То же волнение, предвкушение, дрожь. Забыв в какой-то момент обо всем, Вера почувствовала себя снова той молодой сумасшедшей и...

– Привет, – поздоровался он, скупно улыбнулся и прошел мимо нее.

Вера не стала заикливаться на том, что ее порыв пропал впустую, ну подумаешь, человек просто устал. Минули те времена, когда у них был секс прямо с порога, да и сын вырос, не до шалостей теперь. Она невольно отметила про себя другое – муж появился без вещей. При нем была только большая коробка с подарком.

Зашел в гостиную, поставил на журнальный столик подарок для мальчика. Красивая упаковка, стильный дизайн, мужской. Наверняка внутри какая-нибудь очередная безумно дорогая электроника.

– Саша, а где твой чемодан? – спросила она, идя следом.

– На работе оставил, некогда было, – ответил он не оглядываясь.

– Ну принеси, – проговорила Вера. – Там же наверняка все грязное и провонялось потом. Фууу, я представляю. – На самом деле ей нравился запах его пота, она от него просто балдела.

Он ответил что-то, Вера не расслышала, потому что за ним уже закрылась дверь ванной. Отметив про себя, что муж не в духе, Вера пошла в кухню, греть ужин. Если мужчина не в духе, его надо покормить.

Вернулась, за дверью ванной журчала вода, муж еще мылся. Проговорила:

– Саша, как закончишь, иди ужинать.

Журчание прекратилось, видимо, закончил мыться, она не стала ждать, ушла в кухню. Ужин согрелся, выложила все на стол, поставила тонкие бокалы на высоких ножках и бутылку вина – надо же отметить день рождения сына.

Пять минут – его нет, десять. За это время уже десять раз должен был успеть натянуть домашние штаны или что-нибудь еще. Обычно, то есть, раньше, Саша выходил к таким их поздним ужинам в одних тонких спортивных штанах. Даже не вытирался после душа, капельки воды блестели на его коже, она собирала их губами. А дальше....

Закатила глаза, краснея от воспоминаний. Все эти кухонные поверхности... и не только. Глупости, шикнула на себя

и усмехнулась. А щеки-то горят.

Однако, что-то долго он не идет. А если гора не идет к Магомету...

Александр обнаружился в спальне полностью одетый. Выкладывал из шкафа вещи и паковал в чемодан. Но делал это как-то неловко.

– Подожди дай я, – проговорила Вера. – И положи эти рубашки, они старые.

Он замер, но так и не выпустил вешалку из рук. Вера подошла ближе, оттеснив его.

– Да положи ты их, Саша. Ты не знаешь, дай, я сама. Что, новая командировка? – спросила, аккуратно перекладывая то, что он уже успел в чемодан набросать, и возмутилась: – Что за жизнь пошла, продохнуть некогда.

Он пару секунд смотрел на нее странно, а потом сказал:

– Нам надо разъехаться.

– Что? – не сразу разобрала она, руки замерли, словно в полете.

Муж оглянулся на дверь и проговорил:

– Я ухожу. Нам надо разъехаться.

Когда до Веры наконец дошел смысл происходящего...

Обожгло, как будто как будто из тепла внезапно на мороз вытолкнули. Как голую среди толпы. Как будто ободрали кожу...

Мысли заметались в панике. Не может быть. Это просто снится.

В следующий миг защитная металлическая шторка упала в сознании, отсекая эмоции. Сказалась профессиональная привычка мгновенно воспринимать информацию и держать лицо. Замешательство закончилось в доли секунды, вернее, было нещадно загнано внутрь. Но боли пока нет, она пока что не допустит боли.

Руки пришли в движение, поправили густую гриву рыжих волос, отложили мужнину рубашку. Руки двигались сами, давая хозяйке драгоценное время, чтобы собрать себя по куточкам, чтобы выдержать удар.

Отошла в сторону, вскинув ладони. А он быстро и без лишней нервозности снова стал складывать в чемодан свои вещи. Походу, уже давно для себя все решил? Ах-ха-ха...

Шок. Мир рушился на глазах. Ее мир. То, что она считала незыблемым, вечным. Крепким. Верила в их любовь, как в то, что завтра взойдет солнце.

И тут он заговорил:

– Квартиру я временно оставляю тебе и сыну, пока не найду удобный для вас вариант. И, разумеется, содержание. Это никак не отразится. И еще, Вера, то, что происходит между нами, не должно как-то касаться Володи. Я буду...

Внезапно так ясно все стало, так убийственно ясно и просто. Но все же надо было проговорить.

– Скажи, ты уходишь, потому что у тебя... кто-то есть?

Он внезапно осекся. Руки дернулись, метнулся взгляд.

– Это не имеет значения. Наш брак просто изжил себя. Ты

и сама... могла бы это заметить.

И снова его руки быстро задвигались, складывая баракло в чемодан. А Вера смотрела. Ведь... черт побери! Эти проклятые трусы, носки, футболки, все, что он туда запихивал, были частью ее жизни. Ее частью! А он выдирает это по живому.

Так просто. Изжил. А она не знала.

Кошмарный сон. Ущипнуть себя и проснуться.

Господи, какая она дура! Не было никаких командировок, у него просто ДРУГАЯ. А она тут размякла, на феерический секс настроилась. Ах-ха-ха! Романтический ужин при свечах? Самой себя противно стало. И так смешно, до идиотизма, до одури.

– Ты прав, – проговорила Вера. – Извини, что не сразу поняла.

Что уж там задели в нем эти слова, но Александр вдруг вскинул голову и застыл, вглядываясь в ее глаза. Потом выдал:

– Я рад, что ты отреагировала разумно.

Его голос причинял боль, как будто резал что-то внутри, но Вера смогла не отвести взгляд.

– А ты чего-то другого ожидал?

Александр поморщился, уставившись куда-то в левый верхний угол, и проговорил:

– В принципе, я... надеялся на понимание.

Понимание.

Пока все это происходило, мозги-то работали, перева- ривали информацию. И понимание просачивалось ядом в кровь. Ведь ей же завтра надо как-то объяснять все это Во- вке. Но пусть это будет завтра, не сейчас. Сейчас главное – не сорваться и не заорать. Не разбудить сына.

– Вот и отлично, значит, твои ожидания оправдались, – тихо сказала Вера.

Этот бывший родной, а теперь уже чужой мужчина нахму- рился, снова что-то заговорил о квартире, о деньгах...

Нет. Нет, нет. Довольно с нее этого дерьма. Внезапно на- валилось утомление, дикое, до тошноты.

– Давай не сейчас, ладно? – поморщилась она. – Я очень устала. Предлагаю перенести все эти вопросы на завтра.

Он ответил не сразу. Качнул головой, повел плечами, как будто что-то отряхивал.

– Хорошо, – проговорил наконец, понизив тон, и снова принялся за свой чемодан.

А Вера отвернулась, понимая, что ее предел настал. Вслух сказала:

– Мне надо в кухне навести порядок. Как закончишь тут, будь добр, закрой дверь своим ключом.

И вышла из спальни.

Глава 2

Зашла в кухню, открыла кран и замерла у мойки, глядя на воду. Сколько простояла так? Минуту, пять минут? В замочной скважине щелкнул ключ, но Вера услышала. Даже сквозь шум воды услышала.

И в тот же миг, как будто воздух выпустили из шарика, мгновенно сдулись, оставили ее все силы. Опустилась на стул задыхаясь. А руки... руки и положить некуда. Глаза уставились в одну точку. Все разом стало вызывать брезгливость, покрылось скверной, стало грязным. Все эти кухонные поверхности... и не только.

Вот тебе раз, как перевернулась жизнь-то. Полчаса назад еще были семья, единое неделимое целое, а теперь каждый сам по себе.

Взгляд упал на красивые бокалы, так нелепо смотревшиеся теперь на этом накрытом для семейного ужина столе. И откупоренное вино, что она оставила «подышать», думала выпить с ним вдвоем за них, за их любовь... На память пришли стихи Ахматовой:

...Я пью за разоренный дом,

За злую жизнь мою,

За одиночество вдвоем,

И за тебя я пью,

За ложь меня предавших губ,

За мертвый холод глаз,

За то, что мир жесток и груб,

За то, что Бог не спас...

От этого не спасет никто, потому что от глупости женской нет спасенья. Сама, дура, виновата, что повелась, поверила. Разум говорил, что все это старо как мир, таких как она брошенок было полно во все века. И незачем теперь кричать:

– Мой милый, что тебе я сделала?*

Но как же это горько, черт побери!!!

Как больно, нечем дышать...!!!

Будто огромный молот крушит душу, расплющивает...

Они прожили вместе гражданским браком почти десять лет. Не расписывались. Вера всегда считала, зачем, что значит какая-то бумажка, когда такая любовь? Ему не с руки было светить всему миру свой служебный роман. А ей тогда все казалось логичным и правильным. Это теперь вдруг ста-

ло до боли ясно, что для него их отношения никогда чем-то серьезным не были.

Хотелось упасть на пол и биться в конвульсиях. Кричать, пока не сорвется голос... Нельзя, сын услышит. Ребенка не должно коснуться то, что происходит между ней и ее, теперь уже не мужем. Обидно и больно было до слез, до полного выгорания, сердце словно умерло, осыпалось золой.

Она просто не могла понять, как же так, ведь любовь никуда не исчезает со временем, ее любовь же никуда не исчезла. Значит, его любви и не было? Получалось, что годы, проведенные вместе, ничего не стоили. Ею просто попользовались, а как нашли что получше, так и отбросили за ненужностью.

Это когда-то она была лучшей, незаменимой, воздухом. Дня без нее не мог прожить, часа. Была секретарем, помощницей, любовницей, а забеременела – стала вроде как женой.

Злые слезы набежали на глаза.

Вроде как.

Не зря его мать говорила ей при каждом удобном случае: – Не обольщайся. Александр с тобой все равно не останется, не того ты поля ягода.

Вера в ответ молчала, не считала нужным отвечать, лучшим доказательством ее правоты было, что годы шли, а Саша по-прежнему с ней и у них любовь.

Привыкла доверять, не ждала измены.

Захохотала беззвучно, закрыла рот ладонью. Права оказа-

лась свекровь Валерия Аристарховна! Права.

Нельзя плакать. Нельзя. Ее слез никто не увидит.

И прежде всего... Действительно надо прибратся.

Вера встала, ужин, с любовью сервированный ею, отправился в унитаз. Вслед за ним вино. Посуду она даже не стала мыть, так вместе со скатертью сгребла в узел и выбросила в мусоропровод.

Если бы она могла так же точно избавиться от всего остального! Увы, это не так-то просто, за десять лет хочешь не хочешь, а дом наполняется множеством мелочей, знаков присутствия, воспоминаний, их не сотрешь вот так, одним махом.

Еще когда муж... бывший муж, поправила она себя, начал говорить про квартиру, Вера для себя решила, что дня лишнего в его доме не задержится. Слава Богу, им с Вовкой есть где жить. А тут...

Все будет точно таким же, как в тот день, когда она вошла сюда впервые. Ничего не останется, что могло бы напомнить о ней.

Теперь кухонный стол, вымытый дважды, был девственно чист. Метнулась в спальню, порываясь начать вытряхивать все из шкафов. Удивительно, стоит принять решение, и откуда-то силы берутся, и энергия. Но в какой-то момент поняла, то, что с ней сейчас творится, самая настоящая истерика.

И Вера остановилась. Надо преодолеть эту поганую дрожь, от которой трясется, будто отрывается все внутри.

Успокоиться, обдумать.

Думалось лучше всего на кухне.

Вера замерла у плиты, ощущая, как постепенно отчаяние и дикая обида сменяются злостью. Не сотрешь воспоминания? Отчего же.

Быстро прошла в кабинет, захватила с собой его ноутбук, на котором был большой семейный архив. Тысячи, миллионы сделанных с любовью фотографий, на которых они улыбались, были вместе. Были.

Вернулась в кухню.

Не сотрешь воспоминаний?

Удалила все.

Все свои фотографии. Все, где она была с ним или поодиночке. Оставила только те, на которых он с сыном. Ребенка в это не надо вмешивать, он уже достаточно взрослый, будет делать выводы сам.

Но этого было мало. Ничтожно мало. Проклятый молот обиды продолжал раздавливать ее изнутри, заставляя ощущать свою беспомощность и бессилие.

Что делать, чтобы не чувствовать себя использованной прокладкой? Что?

Мстить?! Вера расхохоталась. Да. Мсть сладка!

Он изменил первым, значит, справедливо будет переспать со всеми его друзьями и знакомыми?! Справедливо! Осла-

вить его на весь мир, вытряхнуть все его грязное белье. Еще как!

Бл***... Да, справедливо. Но, видит Бог, не собиралась Вера даже ради мести в этом дерьме мараться. Противна сама мысль. Ее чуть не вырвало, как представила. Нет, все будет не так.

Вера встала, заходила по кухне, потом, скрестив руки остановилась у окна, глядя в ночь. Надо признать поражение. Проговорить про себя эти ужасные слова и принять истину.

– Ты стала бывшей, признай это.

Их отношения разладились еще пару лет назад. У Вовки случился сложный перелом, она полгода над ним, как орлица... Пришлось сесть дома на радость мужу, он всегда этого хотел, чтоб не мелькала. Наверное, она просто закрывала глаза на очевидное, а может, ей требовалась передышка, и она, думая, что может на него положиться, позволила себе эту передышку? Что теперь гадать?

Но именно тогда, в тот период Александр и стал отдаляться. Пошли его совещания и командировки бесконечные... Просто, все происходило как-то постепенно, наверное, потому она и не придавала особого значения. Не поняла, что измены его начались еще тогда. А, может, и раньше? Может, так было с самого начала?

Глаза закрылись сами собой, из горла вырвался болезненный хрип.

Он... был с кем-то, а потом приходил в ее постель. А

она...

Крепко сжала кулаки, чтобы ногти впились в ладонь. Чтобы боль телесная заглушила душевную боль. Отвращение ко всему, что у них было, причудливо смешалось с самым дорогим и сладким. С памятью тела, для которого не существовало растоптанной гордости хозяйки, оно верило лишь своим воспоминаниям. А теперь получалось, что и эти воспоминания ложь. Прах. Черепки.

Бывшая... Звучит так, будто уже умерла.

Застыла, глядя в окно. Непрошенные слезы потекли и в горле запершило. Достал ее Верховцев, до глубины души, до печенок достал. Но ведь у слез есть чудесное свойство. Они вода, а вода смывает все грехи и печали. Мрачно усмехнулась, это сколько ж надо слез, чтобы все смыть?

И все же момент слабости прошел.

Глаза прищурились, взгляд сфокусировался на мерцающих огнях вечно неспящего города. Вот оно коловращение жизни, не знающей остановок и поражений. Просто одно сменяется другим. Отряд не заметит потери бойца.

За окном рождался новый день. А ночь уходила, унося на запад свои призрачные звездные крылья, чтобы завтра прийти вновь. И вместе с уходящей ночью уходило что-то из души женщины. Что? Глупая вера, несбыточные надежды? На самом деле, это очки розовые рассасывались осколками. А им на смену поднимало голову то, что всегда там было.

Сила. Воля к жизни.

Бросил ее Верховцев за ненадобностью? Ну что ж, в конце концов, свет клином на нем не сошелся. Это ее жизнь, и в тридцать пять она еще не кончена. Все можно начать заново. Усмехнулась и пропела про себя фразу из песни Ваенги:

Королевы могут королей поменять, пока Короли на войне.

Я тебе родила сына бл***ть, а ты то, кто мне?

Никогда ее особо не любила, но тут как в тему... А вообще, если так посмотреть, когда женщину бросают, то... Она становится свободной.

Заново.

Покончить с почетной должностью домохозяйки и вернуться в строй. Конечно, плохо, что у нее был большой перерыв... Но опыт не пропьешь, когда-то она была востребованным специалистом. Ее не раз хотели от Верховцева переманить.

Придется потрясти старые связи.

И кстати. Вера подумала, что надо звонить подругам, собирать команду, ей понадобится помощь при переезде. Конечно, сначала придется как-то объяснять сыну Вовке, почему вдруг возникли столь глобальные перемены в их жизни, но Вера была уверена, сын достаточно взрослый, все поймет как надо.

А ей нужно привести себя в порядок.

И с новыми силами с утра кое-что сделать.

Глава 3

Начало шестого на часах.

Быстро ночь прошла, а вроде тянулась бесконечно. Через два часа сына в школу поднимать, но сегодня у Вовки будет внеплановый выходной. Не пойдет он в школу. Прости сынок, у мамы вылезли планы.

Впрочем, Вера не сомневалась, что сын этому только обрадуется. Что до остального, тут Вера не была так уверена. Предстоял тяжелый и неприятный разговор с сыном. Ох, как не хотелось его начинать...

Она наконец вышла из кухни. Бессонная ночь, а все равно ни в одном глазу, наверное, к вечеру будет валиться от усталости, но сейчас ее держало возбуждение. От него никак не могла унять внутренняя дрожь. Душ надо горячий принять, снять этот внутренний озноб, прогреться изнутри до самых косточек.

Душ принять.

Сейчас, идя по квартире, в которой прожила столько лет, Вера как будто смотрела на все впервые. Ничего не скажешь, элитное жилье, четыре комнаты и кабинет, терраса, с которой открывался потрясающий вид на город и реку. Четыре ванных комнаты: одна сына, две гостевые и одна – ее ванная, та, что была при ИХ спальне.

Слишком поздно Вера поняла свою ошибку. Надо было идти в гостевую ванную, а она по привычке – в свою. А там...

Прислонилась к двери, судорожно закрывая защелку, и сползла на пол. Закрывать рот, чтобы не выть, не биться головой, бл***!!! Не вспоминать! Не смотреть на его проклятое нижнее белье, небрежно брошенное на пол, не вспоминать, как он пахнет!!!

Нет...! Но проклятой памяти тела, физиологии долбанной, все равно! Ей плевать на чувства хозяйки.

Все же хватило гордости подняться. Подобрала его боксеры с пола, на смену позорному пролапсу, всплеску непрошенных ощущений и чувств, пришла волна брезгливости. Неизвестно после кого он их надевал. Выбросила все его белье в мусор, а саму колотит от этих ощущений. Вот же... на ровном месте встряска. Руки потом мыла долго, очень долго.

Потом залезла под горячий душ и стояла, закрыв глаза.

Забери вода мою боль, страх, страсть, обиду, все. Все забери. Дай спокойствие.

Дай снова почувствовать себя человеком...

Как же ей осуществить то, что она задумала, если вот так будет срываться каждый раз, когда память тела выкинет очередной фортель? Да и только ли память тела? Врать себе зачем, она его любила даже и сейчас. Но... Но. Это уже агония.

Много ли, чтобы убить сердце женщины, надо? Всего несколько слов надо.

Наш брак просто изжил себя.

А теперь пусть слезы потекут из глаз, под водой их не видно.

Душ помог, горячая вода согрела, принесла успокоение, как будто вместе со струями вытекло из души то смертельное, что гнуло к земле, убивало. Правда, пустота осталась. Но она зарастет со временем, потому что природа не терпит пустоты.

Вылезла, вытерлась, глянула на себя в зеркало, видок, конечно, не айс... Ну так крема и маски нам в помощь. Пока приводила себя в порядок, пока сушила и укладывала густую рыжую гриву, прошло около часа.

Скоро шесть. Рановато звонить подругам, но что поделаешь, надо.

Бригада скорой помощи – три ее старые верные институтские подруги, из которых одна была находящаяся в вечном поиске разведенка Лера, другая убежденная одиночка и феминистка Люська, а третья – не менее убежденная домашняя клуша Маринка. Для того они и существовали, чтобы быть рядом в трудную минуту. И в горе и в радости, как говорится.

Набрала Люську.

– Да, – проворчал сонный голос. – Самойлова, ты вообще на часы смотришь?

– Форсмажор у меня. – тихо проговорила Вера.

– Что?! – понеслось из трубки. – Что с тобой?! Опять с Вовкой что-то? Не молчи, Верка!

– Саша ушел.

– Что? Как ушел, куда? Говори яснее.

– Бросил меня.

В трубке несколько секунд стояла тишина, потом...

– Твою мать! – взорвалась Люська.

Дальше пошли такие связки непечатных ругательств, что Вера невольно улыбнулась. Наконец Людмила выговорила и спросила уже другим тоном:

– И что теперь? Что ты намерена предпринять?

– Ну, мне съехать срочно надо.

– Что?! Этот мелочный козел тебе даже квартиру не оставил??

– Да нет, я просто сама не хочу. Не могу тут оставаться, – поправила Вера.

– Понимаю тебя, – пробормотала спустя какое-то время подруга. – Но вообще-то, с твоего Верховцева следовало бы шкуру содрать!

– Давай об этом позже, ладно.

– А Вовка как же...

Как по живому резанула.

– Мне помощь нужна, Люсь, – сказала Вера, успокаивая дыхание. – собраться и быстро перебросить вещи.

– Не вопрос, – буркнула та.

– Хорошо, тогда общий сбор. Обзвони девчонок и как сможете, ко мне.

– Ладно, Самойлова, жди. Будем. Но вообще... Знаешь, что я тебе скажу. Это все еще надо хорошенько обдумать! Не хер ему...

Вера уже не стала дослушивать, быстро сказала:

– Спасибо, – и отбилась.

После разговора с Люськой Вере значительно полегчало. Теперь механизм запущен, колесики закрутились. Хотя, конечно, в мыслях все еще пустота.

Постояла еще минуту перед зеркалом, собираясь с силами, и пошла будить сына. Тихонько зашла в комнату сына, медленно, мягко ступая, подошла к его кровати. Спит... Будить жалко. Чуть не развернулась и не ушла. Пришлось подавить в себе этот порыв.

Но и с духом собраться, потому что после того, как она его разбудит и скажет, все изменится, не будет как раньше. А как будет? А хрен его знает... Хотелось отдалить этот момент, желательно навсегда. А нельзя, теперь уже нельзя.

Еще немного полюбоваться на него спящего. Носатый, вихрастый, мужичок, гордость мамина. Рука сама потянулась вихры поправить и отдернулась. Еще секунду себе дать, еще...

– Вова, вставай, – проговорила негромко и потрепала за плечо.

– Мммм. – поморщился отмахиваясь.

– Вставай, – повторила настойчиво.

– Ма, ну рано же, – заныл сын, не открывая глаз. – Я в школу за пятнадцать минут собраться успею.

Покачала головой, этот успеет.

– Вова, в школу ты сегодня не пойдешь.

Потрясающий эффект. Сын мгновенно разлепил глаза и аж присел в кровати.

– Урррра!!! – и тут же на нее уставился, подозревая подвох. – Тогда зачем вставать?

Ну все. Началось...

Вера открыла было рот, а слов нет. И что вообще говорить в такой ситуации? Как? Пришлось прокашляться.

– Потому что мы переезжаем.

– Переезжаем? Когда, куда? В новый дом? – озадаченно затарахтел он, поправляя челку. – Здорово! Папа так сказал? Он приедет? Ур-ра! Я буду ему помогать!

Вера выдохнула, собираясь аккуратно объяснить сыну главное. И страшное.

– Сейчас переезжаем, сын. Мы... ко мне переезжаем.

Он что-то уловил, Вера поняла это по глазам. Нахмурился, странное для ребенка выражение возникло на его лице.

– А папа? Он тоже?

– Сынок, – начала Вера, понимая, что ступает на зыбкую почву, и ошибиться нельзя. – Ты понимаешь, мы с твоим папой...

Чееерт! Как это было трудно!!!

– Мы с твоим папой пришли к выводу, что, – ей пришлось прокашляться. – Нам надо разъехаться, потому что наш брак изжил себя. Ну и... твой папа ушел.

Ребенок смотрел на нее большими круглыми глазами, потом спросил:

– Как ушел? Он же в командировке.

– Нет, сынок, он приходил вчера ночью, – не было сил, некуда было деваться от этих пронзительных детских глаз. Вера повела шеей и сказала первое, что пришло в голову: – И он принес тебе подарок.

Она старалась улыбаться. Честно говоря, она ждала чего угодно, не знала, как отреагирует мальчик. Ждала вопросов. Конечно, у него должны быть вопросы, ответить бы еще на них правильно, чтобы не разрушить ничего в душе ребенка...

Бровки мальчика шевельнулись при слове подарок, однако спросил он совсем не то, чего она ожидала.

– А переезжать обязательно?

– Да, сынок. Квартиру все равно надо будет освободить, так что лучше сделать это сейчас.

Очень надеялась, что сын поймет и, вместе с тем, ужасно боялась, что он может начать винить во всем ее. А он посмотрел на нее серьезно, потом зачем-то на дверь и вдруг сказал:

– Мам, ну ты, главное, не раскисай. Все будет хорошо. Я что-нибудь придумаю, слышишь, ма.

Прижала его к груди крепко-крепко, до дрожи. И зашептала:

– Да... Все будет хорошо. Обязательно! – а слезы предательские покатались по щекам.

– Сказал же, не раскисай, ну ты чего, мам?

Быстро вытерла слезы, чтобы он не видел.

– Вставай, умывайся и иди завтракать. Скоро Люся с Мариной и Лерой подъедут, они помогут. Но свои вещи ты должен собрать сам.

И вышла из комнаты, потому что еще немного...

Надо идти готовить завтрак. Скоро и впрямь девчонки придут, кормить бригаду чем-то надо.

Люся приехала первая, она фрилансерша, ей, в принципе в любое время было удобно. Вовка как раз доедал свой завтрак. Сразу прошли в кухню, потому что шумная подруга честно призналась с порога:

– Корми, Самойлова, я ничего поесть не успела.

Плюхнулась на стул, отломил кусочек хрустящего хлебца и подмигнула Вовке:

– Привет, Верховцев младший!

И тут же переключилась:

– Лерка подъедет через час, ей отпроситься надо. А чуть

позже Маринка с Костиком будут. Маринка еды принесет, шоб ты, мать, не отвлекалась. – потом завертела головой. – Ну, что тут у нас? Слыш, Верховцев младший, подай тетке вон ту нарезку! И убери от меня эту овсянку.

Вера прикрыла глаза, с благодарностью принимая и Люськино молчаливое понимание и безоговорочную помощь девчонок. Она уже заранее предвидела, что Маринка назовет ее душой и будет с пеной у рта отговаривать, что, мол, за мужика бороться надо, а Лера станет советовать юристов, у самой опыт трех разводов. Но... Все, процесс пошел.

К тому же, у нее на сегодня были свои планы.

Глава 4

Вовка, как доел свой завтрак, сразу же ушел собираться. Глядя сыну вслед, Вера невольно задумалась. Мальчик как будто вырос, изменился. Какой-то повзрослевший и собранный, теперь еще больше был похож на отца. Внезапно защемило сердце, налилось тоской.

Отвернулась, проводя рукой по волосам. Как же это все... Так, в одночасье-то...

– Мужика тебе нужно. Нормального, шоб своего прЫнца сраного из головы выбросила, – подала голос Люська. – Улыбнись, Самойлова. «Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на диеты, жадных мужчин и плохое настроение».*

Вера покачала головой и закатила глаза. Люськина любовь к Фаине Раневской, а также ее отношение к диетам всем было хорошо известно. А подруга выдала очередную сентенцию, оглядывая ее кухню:

– Закисла ты тут, в этом стойле. Пора возвращаться в большой секс.

– Иди к черту! – Вера закрыла лицо рукой, чтобы не рассмеяться.

– На работу, говорю, выходить надо, – вздохнула Люська, отодвигая от себя опустевшую тарелку с мясной нарезкой.

Это да. Именно это она и собиралась сделать.

Раздался звонок – это Лера подъехала. Оставив ее в кухне, наедине с кофе и Люськой, Вера ушла в спальню. Пора уже начинать сборы, если она хочет со всем управиться до вечера.

Встала посреди комнаты.

Еще минуту. Посмотреть на свой... уже не дом, но пока еще дом. Посмотреть, оставить в памяти, прежде чем она сотрет себя и отсюда. Вера понимала, что времени мало, что все равно все следы своего пребывания уничтожить не удастся. Но ей хотелось, чтобы хотя бы на первый взгляд о ней ничего тут не напоминало.

Итак...

Она одним махом вымела из шкафа все вешалки со своей одеждой, все белье с полок. Свалила на постель. Те вещи, что остались из мужниной одежды, не тронула. Дальше – свое барахло из ванной, с туалетного столика. Быстро так, меньше минуты потратилось на все это, а стаскивалось все сюда годами.

Потом вихрем прошла по остальным комнатам, брала только свое личное, сваливала прямо на пол, девчонки разберут. Последним на закуску оставила кабинет. Тут... тут было меньше всего ЕЕ. Это было его царство, но все же. Некоторые мелочи, дурацкие фотографии в рамочках, ее книги, их было вроде и немного, а набралось прилично. Все это также отправилось в кучу на пол.

Пошла в чулан за чемоданами.

Когда девочки через несколько минут выползли из кухни, по всему дому словно Мамай прошелся. Это было дико и странно, потому что у Веры всегда царил идеальный порядок. Видя замешательство на их лицах, она сказала:

– Потом вызовем клининговую компанию, они тут все приведут в первозданный вид. А пока, девочки, начали. Берем только, что я достала.

– Верка, вот ты дура! – с ходу заявила Лера. – Какого ты оставляешь ему все, что когда-то сама покупала?! Что, богатая шибко? Альтруистка, блин! Это он тебе должен.

– Ничего он мне не должен, никто меня не заставлял, я сама все это делала.

– Ты хоть о сыне подумай!

О сыне она как раз думала.

Но в этот момент как раз раздался еще один звонок. Марина подъехала вместе с кастрюльками и судочками. Теперь женсовет был в полном составе. Маринку подвез муж Константин. Прошелся по дому, глянул на все это разорение, ничего не сказал, только коротко кивнул и выдал:

– Я за коробками.

Вернулся быстро, где уж он добыл ворох больших картонных коробок, неизвестно. Вообще, Маринкин муж был... наверное, идеальный. Потому что этому мужчине ничего не надо было говорить, он все видел сам и всегда знал, где именно нужна его помощь. Он был... не красавец, с белесыми ресницами и бровями, с большими ручищами, крепкий. Такие

всегда безнадежно проигрывают внешне знойным мужикам вроде Верховцева, но... Маринка любила его больше жизни, и сейчас Вера ей по-хорошему дикой белой завистью завидовала.

– Спасибо тебе, Костик, – проговорила она, сглатывая комок.

Он только моргнул, перекинулся с Мариной взглядом и проговорил:

– Как будете готовы, дайте знать. Я подгоню машину.

И ушел, простой настоящий рыцарь на белом внедорожнике.

Небольшое замешательство, вызванное приливом чувств, сменилось жаждой деятельности. Ведь, кроме всего прочего, у Веры был план, его пора было приводить в исполнение. Теперь, когда все решено и ей четко указали на ее бесправное положение, бороться с Верховцевым, выцарапывать у него что-то, она не собиралась. Считала ниже своего достоинства.

Однако это не означало, что она не предпримет ответных ходов. И единственное преимущество тут – фактор внезапности.

Он ощущал себя хозяином положения? Очень хорошо.

Но для того чтобы действовать, ей нужны были свободные

руки.

– Девочки, мне надо кое-куда съездить. Справитесь без меня?

– Справимся, хотя я продолжаю считать, что ты делаешь глупость. Ты вообще не должна никуда съезжать. – Лера была непреклонна.

– Ой, иди уже, Самойлова, – проворчала Лариса. – Уж как-нибудь разберемся, в какие коробки твои трусы-лифчики пихать.

– Да, ты иди, мы разберемся, – сказала Марина оглядываясь. – И детеныша твоего покормим. Кстати, где Вовка?

– Собирается, – проговорила Вера, понимая, что мальчик до сих пор так и не вышел из комнаты.

Побежала к нему, тихонько заглянула, сын сосредоточенно паковал в большой рюкзак и несколько коробок свое барахло. Сортировал. Комп, гаджеты и диски, на полу валялись упаковки... Всего этого было очень много, Вера протиснулась в комнату и негромко сказала:

– Тебе не обязательно забирать все. Я думаю, папа захочет, чтобы ты иногда приезжал к нему пожить.

Он резко поднял голову, облегчение промелькнуло во взгляде.

– Да? Это хорошо, ма, а то тут столько... Я уже замотался.

– Бери только самое нужное.

Брови его вскинулись, глянул на коробку, на кучу, и начал перекладывать все по новой. И кстати, Вера заметила, что

он так и не распаковал подарок отца, коробка по-прежнему стояла на журнальном столике в гостиной.

– И подарок свой не забудь, – проговорила она.

Если они его оставят нетронутым, Александр будет считать, что она настраивает против него сына. Неприятный осадок, блин. Верховцев должен был сам все это мальчику говорить, а не на нее сбрасывать!

Вернулась в спальню. Время.

Теперь снова быстро в душ, быстро маску для лица. Макияж. Неброско и корректно, чтобы выглядеть делово и дорого. Как раньше. Деловой костюм она отделила заранее. Одевалась и чувствовала, как внутри зарождается дрожь.

Состояние, как перед боем, забытое чувство, хорошее. Сейчас, оглядывая себя, Вера снова видела в зеркале ту женщину, которой была когда-то. Насиделась дома, пора ей возвращаться в строй.

Пока она собиралась, девчонки успели в шесть рук упаковать пять большущих коробок. Глянули, прикинули и решили отвозить частями. Марина вызвала Костика, чтобы забрал первую партию. Вера смотрела на все это и понимала, что, собственно, в процессе уже не участвует, совсем как покойник на похоронах. Вроде и главное действующее лицо, и все решается без него. Это... было больно. И эту мысль следовало отпустить.

У нее совершенно другие цели и задачи, а тут действительно все сладится без нее.

– Девчонки, потом клининговую компанию надо...

– Уже, – сказала Лера. – В 12.30 подъедут. И через три часа тут все будет блестеть как котовы яйца. Ты другое скажи, может, с тобой поехать? Ты как, сможешь?

– Сможет, – ответила за нее Марина. – Езжай, Вера, тут все без тебя прекрасно сделается.

Действительно.

А время уже полдесятого, надо поторапливаться.

По счастью, от дома до головного офиса Верховцевской компании было минут десять неспешной езды. Но надо сделать поправку на дорожную ситуацию, непредвиденные пробки и прочую хрень, которая всегда случается не вовремя. Быстро спустилась в гараж, села в машину, сжала ладонями руль, а сердце колотится, как будто выскочить хочет. Нервишки шалют. Глубоко выдохнула несколько раз. Пора.

И выехала.

Конечно же, пробка, но движется. Потеряла немного, не больше семи минут, и только она собралась перестроиться, чтобы свернуть, раздался телефонный звонок.

Неподходящий момент. Скопилась одним глазом и выругалась. Свекровь. Только ее не хватало!

– Да, Валерия Аристарховна, я вас слушаю.

– Александр там, с тобой? – раздалось в трубке.

Свекровь не называла ее по имени, никак вообще не называла. И никогда не скрывала, что не одобряет ее в роли невестки. Звонила редко, только по особым случаям, да Вера и сама рада была сократить общение до минимума.

А сейчас, когда они с Александром уже никто друг другу – тем более!

– Нет, – проговорила Вера, а у самой чуть песок на зубах не заскрипел.

Хотела отбиться, но тут свекровь неожиданно спросила:

– А что это за вещи выносят из квартиры моего сына?

Твою мать! И ведь кто-то же настучал, донес!

Вера сосчитала до десяти, чтобы выдохнуть душившую ее злость, а потом еле-еле голосом сообщила:

– Это я съезжаю, Валерия Аристарховна. Считайте, что ваша давняя мечта исполнилась, ваш сын теперь от меня свободен.

– Как ты со мной разговариваешь?! Как ты смеешь брать отсюда что-то без разрешения!?

– Идите вы лесом, Валерия Аристарховна. И больше никогда мне не звоните.

Отбилась.

Руки ходуном от нервности, а ей маневрировать, парковаться.

Кое-как поставила машину и застыла, глядя перед собой. А потом... Черт, даже смешно стало. Получается, она тоже

исполнила свою давнюю мечту – послала бывшую свекровь?

Понятно, что смех-то был нервный и состояние на грани истерики, но вектор настроения немного изменился. Вера вышла из машины и направилась к зданию. До назначенного себе времени оставалось чуть больше десяти минут. Если она хочет добиться нужного эффекта, надо двигаться быстрее.

Собственно, план Веры был предельно прост.

Ей всего-то нужно было забрать свою трудовую книжку.

Последние два года она просто числилась на работе, висела постоянно то во всевозможных отпусках, то на бюллетене. Верховцев мог себе это позволить. О том, что у нее от него ребенок, было известно очень узкому кругу лиц, и все старательно обходили эту тему молчанием, потому что своим местом дорожил каждый. Ну а теперь как раз настал момент уволиться. Тихо и мирно, без всяких драматических сцен, а главное, быстро.

Но, кроме этого, Вера хотела проверить свои подозрения, заодно раз и навсегда решить финансовые вопросы. И делать это следовало когда и как ей удобно.

Непростым и неслучайным был выбор момента.

Вера не зря проработала бок о бок с Александром Верхов-

цевым столько лет. Его профессиональные привычки (в отличие от человеческих, которые она, как оказалось, не знала) она знала хорошо. Например, то, что по понедельникам у него с девяти до десяти внутреннее совещание. И случаи, когда он пропустил этот священный понедельничный ритуал за десять лет можно было по пальцам перечесть. Значит, он будет здесь.

А в 10.00 совещание как раз закончится.

На часах было десять без трех, когда она вошла в приемную.

У Верховцева была большая пафосная приемная, обставленная дорогой мебелью. В центре за гигантским столом восседала секретарша. Направо его гендиректорский кабинет со всеми причиндалами, налево конференц-зал на 40 мест. Шикарно, сразу видно, что шеф придает внешней стороне своего бизнеса немаловажное значение.

Давненько она тут не была.

– Ой, Верочка Дмитриевна, рада вас видеть, – сразу тепло поприветствовала ее бессменная секретарша Нина Марковна, почтенная офисная дама, сидевшая в этом кресле уже лет восемь. – Прекрасно выглядите.

– Да, спасибо, Нина Марковна, вы тоже, – проговорила Вера, усаживаясь в кресло напротив.

Нина Марковна, кстати, была одной из тех немногих, посвященных в тайну.

– Какими судьбами, Верочка Дмитриевна? – сложила та

пухлые ручки с аккуратным маникюром, а в глазах искорки любопытства.

– Да вот... – помедлила Вера, придавая голосу таинственности, повела бровью и склонилась ближе. – Собираюсь уволиться.

– А... – некоторое разочарование проскользнуло в глазах секретарши. – Нашли лучший вариант или...

Но ни дослушать, что она скажет, ни ответить ей Вера не успела, потому что в этот момент как раз открылись двери конференц-зала, и оттуда начал выходить народ.

Сначала, как бы хорошо ни владела Вера собой, у нее зарябило в глазах, а сердце понеслось вскачь, как загнанная лошадь. Но приемная была пуста, и взгляды людей, выходявших из конференц-зала, невольно обращались на нее. Ее знали, с ней здоровались. На приветствия нужно было отвечать, нужно улыбаться. Усилием воли Вера взяла себя в руки.

Ей удалось собраться, первый миг дикого волнения прошел.

Но тут... Это происходило само собой. Наверное. Потому что организм как-то построился без ее участия. Зрение вдруг стало тоннельным, исчезли все звуки вокруг, кроме очень негромкого шелеста одежды и шагов. А картинка застыла.

В дверях появился ОН, Верховцев. А рядом с ним...

Да. Будь оно все...!!! Даааа.

Рядом с Верховцевым, внимательно слушая его, шла новая... называть можно как угодно, старший офис-менеджер, личный секретарь, личная помощница. Года двадцать четыре, точеная, тоненькая. Красивая молодая женщина.

Глаз брошенной женщины не обманешь, он мгновенно способен выцепить те особые нити, которые связывают ее бывшего с новой пассией. Он крупный, весь крупный, но не расплзшийся, несмотря на свои сорок два года, подтянутый, видный. Волевой властный, его новая помощница рядом с ним тростинка, роковое, козырное сочетание.

Вера на какую-то секунду почувствовала себя на ее фоне старой коровой. Она тоже имела подтянутую фигуру, но только сорок восьмого размера. Да и десять, а то и больше, лет разницы не могут пройти даром. Кожа уже не та, складочки появляются в неожиданных местах.

Однако, произошло еще кое-что, мозг отметил и идентифицировал это мгновенно.

На первый взгляд, незаметный и невинный жест, ответная реакция. Он коснулся ее локтя и что-то с нажимом сказал, девушка вскинула быстрый взгляд и тут же опустила глаза в пол. Кивнула, опустив голову, застыла на секунду, а потом он легко подтолкнул ее, и девушка пошла по направлению к его кабинету.

Надо было просто знать, что искать. А Вера знала.

Подчинение.

ЭТО его новая ПОДЧИНЕННАЯ.

Верховцева всегда привлекали игры с подчинением, а Вере это не нравилось. Она терпеть не могла унижения, игрушки, это не возбуждало, а казалось оскорбительным, всегда считала, что постель – это место для равных. И ненавидела анальный секс. А тут... У нее даже перед глазами пронеслась картинка – точеная хрупкая фигурка на коленях, руки связаны за спиной, во рту красный шарик кляпа, большая пробка в аккуратной маленькой попе. И он... тут рядом. И все, что может быть потом.

Отвратительное чувство, когда ты осознаешь, что безнадежно проиграла. У нее просто не было шансов против такого воплощения мужской сексуальной мечты. Но, как ни странно, именно это ощущение и породило протест, который позволил Вере выпрямиться. На смену давящему отчаянию поражения пришла злость. Она и сейчас, глядя на этих двоих, считала, что постель место для равных. И кто придерживается иного мнения – пусть идет на...

И этот момент Верховцев наконец ее заметил. Вера видела, как он инстинктивно дернулся.

Лучшая офисная улыбка из ее арсенала, это когда уголки губ чуть приподняты, а в глазах – покерные зеркала. Такой улыбки удаивались только серьезные конкуренты на переговорах. Вера встала и пошла ему навстречу.

– Добрый день, Александр Всеволодович.

Руки подавать не стала.

О, какой у него проскочил взгляд!

Не ждал? И сбежать не удастся.

– Уделите мне, пожалуйста, несколько минут. По личному вопросу.

Он быстро обвел взглядом приемную.

Ну же, хотелось сказать Вере. Пригласи меня в кабинет, где тебя ждет твоя любовница! Сделай это, давай.

– Прошу, – спокойно проговорил он и показал ей на освободившийся конференц-зал.

Продолжая улыбаться, Вера зашла внутрь. Но как только двери закрылись, его спокойствия как не бывало.

– Зачем ты пришла?! Я же сказал, что решу все финансовые вопросы!

– Я помню. Кстати, о деньгах.

Обиженное выражение, основательно приправленное презрением, проскользнуло в его глазах, он отвел взгляд, кулаки сжались.

– Я вижу, тебя всегда интересовали только деньги?

– О да! – Вере показалось, что в груди что-то взорвалось от боли, но она не убрала улыбку с лица. – Я пришла, чтобы уволиться. Подпиши вот это. Пожалуйста.

Вера вытащила из сумочки заявление, которое написала еще ночью, и положила перед ним на стол. Пока тупо он смотрел на невинную бумажку, проговорила:

– Расчет мне не нужен. Мне также не нужно от тебя никакого, – она помедлила, подбирая слова. – Содержания или материальной компенсации. Я ни в чем не нуждаюсь и сына

прокормлю сама. Если ты имеешь желание оставить что-то Вовке, можешь открыть на его имя счет.

И тут он вскинул на нее взгляд, прищурился:

– Давно решила? Похоже, только и ждала?

– Это имеет значение сейчас? Подпиши, пожалуйста.

Он зло выдохнул, размашисто подписал, а потом выдал, больше и больше раздражаясь:

– Это. Мой. Сын. И я буду делать для него все, что сочту нужным! И не пытайся мне препятствовать!

– Разумеется. Только отныне будь любезен, общайся с сыном сам, – Вера быстро подхватила со стола подписанное заявление и пошла к выходу.

Уже подойдя к дверям, она обернулась и сказала:

– И... Квартиру я освободила.

Дверь закрылась, отсекая ее от него, от прошлого, от десяти лет, потраченных на заблуждения. На нее круглыми глазами смотрела секретарша. Нельзя распускаться, надо держать себя в руках. Помахала ей подписанным заявлением, подмигнула.

Они с Ниной Марковной даже поцеловались на прощание. Коллеги. Людям надо держаться друг друга и всегда стараться наладить хорошие отношения, потому что никогда не знаешь, кто поможет тебе в трудную минуту. Или кому поможешь ты. Иногда простая уборщица может куда больше, чем сам генеральный директор.

Теперь еще одно последнее усилие. Зайти в отдел кадров

– и меньше, чем через полчаса часа она будет свободна.

Глава 5

Обратно Вера поехала не сразу. Надо было как-то выдохнуть это. Выветрить из себя, из легких, потому что дикое напряжение сводило затылок и плечи. Дать наконец утомлению притупить восприятие.

Раньше, когда она еще была студенткой, любила ездить в Ботанический сад. Поехала туда и сейчас. Тишина, ковер огненной листвы только начал покрывать дорожки. Покой, молчание. Бродить, раствориться в этом молчании.

Не думать.

Потому что и так все ясно.

И все логично.

И некого винить, только себя.

Почему-то вспомнилось одно видео с Ютуба, про испанскую корриду. Она тогда еще далекоидущие планы совместного отдыха строила. Там... Вере и сейчас было дико и страшно от увиденного, кулаки сжимались. Какой-то душевный предел, ступор. Но ассоциация ближе некуда.

Там бык на арене задрал лошадку. Долго трепал, а она наконец вырвалась – и бежать по кругу, наступая на свои потроха. Накачанная наркотиками лошадка просто не знала, что уже мертва. Вот так же и ее душа. После всего полная иллюзия выпотрошенности...

Только в отличие от лошадки, которая сдохла через два круга, она жива. И надо просто привыкнуть к тому, что внутри пустота. Постепенно придут в порядок мысли, но это потом. Анализировать сейчас свои ошибки, рыться в воспоминаниях, выискивать, что и когда она проморгала, Вера не стала. Будет и этому время.

Когда сковывавшее ее напряжение отпустило и начала наваливаться усталость, Вера поехала домой. Не домой, поправила она себя, в квартиру Верховцева. Там как раз девчонки уже все сгрузили Костику и уехали с ним. Одна Люська осталась проследить, как наводят лоск девушки из клининговой компании.

Однако долго она гуляла. На часах-то уже без малого два было, пока добралась. Уборка подходила к концу, а Люся доложила с порога:

– Лерка вернулась на работу, вечером придет к тебе помочь прибраться. Маринка сказала, что может Вовку на ночь забрать к себе. Там ему с ее пацанами...

– Не поедет, – тихо проговорила Вера, разглядывая новыми глазами этот теперь уже чужой дом. Непривычно так.

Видимо, поняв ее состояние, Людмила отвела Веру в кухню. Насильно пихнула ей чашку приторно-сладкого кофе и печенье.

– Ешь, не обеднеет твой...

Дальше пошли разные слова непечатные. Вера жевала молча, она ее почти не слышала. Она и голода-то не чувство-

вала. Однако большая чашка крепкого сладкого кофе и печенье оказались кстати. Даже как-то сил прибавилось.

– Ну что, не зря хоть ездила?

– Не зря, – хмыкнула Вера, но распространяться не стала.

Пока они были в кухне, уборка как раз и закончилась. Люся сама там их выпроваживала, а Вера еще раз медленно пошла по квартире, придирчиво высматривая, не оставила ли она в спешке чего-нибудь значимого. Вроде ничего...

Все чисто. Хорошо. Ее здесь больше нет.

– Вер? – подала голос незаметно подошедшая Людмила.

– Все, поехали. Ты со мной?

– Спрашиваешь, – обиделась та и ткнула в нее пальцем. –

А тебе выпить надо!

Да, наверное, надо. А еще надо успеть раньше, чем сюда кто-то из Верховцевых заявится. Не хотелось ни с кем стлкиваться.

Ключи Вера оставила у консьержки, вместе с небольшим денежным вознаграждением. Та уж и улыбалась ей, и из кожи вон лезла, а Вера думала про себя, что это она наверняка утром на нее нежно любимой бывшей свекрови настучала. И вообще, получается, она и раньше на нее стучала. Впрочем, Вера не осуждала женщину, зачем? Каждый живет, как

может.

Дома, в смысле, у нее на квартире был дикий бардак. Не удивительно, стандартная двушка, пусть и в новом доме, это не Верховцевские хоромы. Тут ее коробки быстро заняли все пространство. И все же хорошо, что она не стала ее сдавать, самой вот, пригодилось.

Вовка выбежал встречать, он себе облюбовал лоджию, с ходу потащил показывать, как все обустроил. Тесненко, но ничего так. Напомнило Вере ее школьные годы.

– Хочешь поехать ночевать к тете Марине? – спросила она.

Мальчик сначала замялся, но потом качнул головой и развел руками оглядываясь:

– Ну... Я тут... не могу же я все так бросить. Да и в школу завтра.

Да. Она и забыла про школу. Совсем голова пустая.

Потом они с Людмилой в четыре руки распаковывали и распахивали по шкафам содержимое коробок. Потом подъехали Марина с Лерой, в четыре пары рук-то все быстрее и легче.

Наконец, к девяти часам дом стал немного походить на дом. Остальное постепенно сама. Вовку погнали спать, да он и сам с ног валился, и собрались на кухне. Переселение обмыть.

Выпили немного, посидели... К одиннадцати дом опустел, подруги разошлись, сын уже спал в раскладном крес-

ле на своей лоджии. Вера зашла посмотреть, разумеется, все разложить он не успел, кругом коробки. Ничего, завтра сама тут приберется.

Впрочем, у нее и на завтра были планы. Значит, надо уплотнить график и все успеть.

А теперь спать, потому что ее уже мелко потряхивало от усталости – ощущались сутки без сна. Вера быстро приняла душ и наконец улеглась.

Но только сон так и не пришел.

Вместо сна пришли мысли.

В ночной темноте потолок кажется призрачным. Если смотреть на него пристально, можно представить, что за его гладкой поверхностью движутся зыбкие тени.

На самом деле, ничего интересного там нет, просто глаза никак не закрываются и лежать дико неудобно, потому что это не ее кровать.

Стоп. Это ее кровать. Отныне и... так далее.

А не спится, даже не потому что больно, боль уже изрядно притупилась, защитная реакция организма, гасить всплески бесчувствием. Сна нет, потому что в голове нет порядка.

Вера знала, что ее гложет. Просто... То, что она увидела сегодня в офисе, поколебало ее чувство собственной правоты, надломило в главном. Все-таки десять лет.

Она прожила десять лет с Верховцевым. А тут, глядя на его дивный симбиоз с молоденькой помощницей, она невольно задалась мыслью, а было ли ему вообще с ней хорошо? Было ли им вообще хорошо, как паре? Сложный вопрос. Она даже заерзала под одеялом. Тут хочешь не хочешь, а проговорить все про себя и разобраться придется. Иначе оно так и будет уничтожать ее изнутри.

Конечно, копать придется глубоко, ох глубоко...

С чего вообще все началось?

Тут она саркастически хмыкнула. С чего начинается у

всех боссов с секретаршами? Сначала объекты начинают напоминать друг другу то место, которое постоянно зудит, а почесать никак не удается. Но зато потом, когда дорвешься чесать, остановиться уже невозможно. Ну... она долго удерживалась на дистанции, почти три года. Можно было гордиться собой, три года мужика водить на коротком поводке и не давать воды попить. А потом, однажды, все просто сорвалось в штопор.

Но. Был ли вообще счастлив с ней Верховцев?

Вера старалась вспоминать скрупулезно, потому что надо было понять.

Копаться в своих интимных воспоминаниях горько, потому что все в прошлом, и немного стыдно, потому что иные моменты и сейчас заставляют душно краснеть, потому что все в прошлом, но ничего не ушло, все осталось. У нее осталось, а у него ушло.

А как это было тогда?

Когда он брал ее, словно изголодавшийся хищник, и ей это безумно нравилось. Всегда нравился жесткий секс, выпускающий наружу спрятанную в человеке звериную натуру. Он всегда именно брал, жадно, нетерпеливо, грубовато, но она всегда готова была дать больше. Был ли он счастлив с ней тогда?

Ну... Вера пожала плечами, глядя в призрачно-серый потолок, и усмехнулась. Наверно, потому что ему трудно было бы так натуралистично имитировать оргазмы. А его тяга

к доминированию в постели? Саша (в таком контексте она ничего не поделает с собой, он был именно Сашей) с самого первого дня стремился ее прогнуть. В этом были моменты, которые ей откровенно нравились. И вообще, в самом начале своей постельной жизни они просто жадно насыщались друг другом и не могли насытиться.

Эксперименты пошли потом, уже после рождения Вовки. Вера не была ханжой, понятно, что фантазии могут быть разные. Но зачем, спрашивается, рычать что-то типа: «на колени, я сказал!», «глаза в пол!», «соси!», «ползи!», если и без того делала куда больше? Откуда это желание унижить? Пределом были пощечины.

Но это ладно. Это она могла понять, большой босс стравливал агрессию с маленькой секретаршей. Просто она уже давно не была маленькой секретаршей. Все это время они были соратниками. Командой. Понимание, которое достигается даже не с полуслова, с полувзгляда. Тогда она была незаменима в делах, потому что нередко видела скрытые возможности и умела их мгновенно использовать.

Вера снова усмехнулась, Верховцев (тут он был Верховцев, да) никогда этого в открытую не признавал, но у нее процессор работал быстрее. Бывало, проскочит ассоциативно, и сразу видно весь ход, а ему пять раз объяснять, пока дойдет. А как дойдет, надо еще терпеливо ждать, пока он докажет ей, что это была его идея. Но то были радостные моменты. Взаимодействие, постоянный драйв, полное взаимное доверие.

Они варились в этом котле, как детали единого механизма. Вместе толкали его бизнес.

Отдельной темой были переговоры с конкурентами. Что говорить, обычно в мужских играх от молодой женщины особого ума не ждут. Красивая молодая помощница при серьезном бизнесмене – вывеска фирмы. Принеси-подай, постельные услуги, все включено. Многие обламывались, потому что не ожидали. Она видела все промахи, никогда не теряла самообладания и выступала скорее как партнер. Именно тогда за ней закрепилась репутация опасной рыжей стервы.

Ох, с каким пристрастием всегда драл ее Верховцев после каждого сложного переговоров. Внимание мужчин будило в нем какую-то атавистическую ревность. Вера закрыла лицо рукой, хорошо, что в темноте не видно ее дурацкую улыбку.

Все это время они и были партнерами.

Только она никогда не претендовала на его власть и не пыталась прогнуть под себя. Она считала себя равной и давала ему воздух, осознавая, что мужчине тяжело. Груз работы, бизнес, мать его, отнимает адову кучу сил. Семья... Да, семья оказывала на Сашу (теперь он снова Саша?) колоссальное давление. Когда он замутил с ней, драгоценная Валерия Аристарховна была просто в истерике.

Чтобы какая-то нищая выскочка вошла в ИХ семью? Носила ИХ фамилию?! Да она специально раздвинула ноги и забеременела, чтобы окрутить ИХ единственного сына! Сек-

ретутка хитрая, ей же нужны только деньги! Ультиматумов ему было много разных, хватило один раз услышать. Собственно, потому она никогда и поднимала вопроса о том, чтобы узаконить отношения, не хотела об их деньги пачкаться. Пусть у Верховцевых этого добра никогда не станет меньше. Вере казалось, Александр Верховцев был ей за это благодарен, во всяком случае, он всегда обходил эту тему молчанием и старался обеспечивать комфорт. Баловал как мог.

Потом родился Вовка. Сын, первенец. Все-таки, это значимый момент в жизни мужчины. Свекра к тому моменту уже не было в живых, а свекрови пришлось смириться с тем, что сын выскочки получил ИХ фамилию.

Ну, и в общем, да. Эксперименты пошли уже после. Кое-что ей даже нравилось. Не нравилось принуждение и все сопутствующие этому элементы рабства. Не нравился анал, потому что ей всегда было больно и никакого удовольствия. Возможно, потому что он бывал слишком напорист и нетерпелив, трудно сказать. Она не хотела даже с самой собой обсуждать эту тему.

Но и это все были проходящие моменты, пока в их отношениях горел огонь.

Погас он... Сейчас Вера точно могла сказать когда. Два года назад, когда Вовка надолго попал в больницу, и она вместе с ним. Муж тогда как-то сразу отошел на второй план, в тот момент ей было не до него. После этого все на спад и пошло. А потом, когда она села с мальчиком дома и пре-

вратилась в идеальную домохозяйку, вообще ничего не осталось. Бледное подобие прежних отношений. А она, глупая, думала, что со временем все наладится. Сплошное помрачение мозгов.

Ну теперь-то ясно. Она беззвучно захохотала.

Нельзя оставить мужика бесхозным даже на пять минут, обязательно кто-нибудь подберет и к делу пристроит. Не то что на полгода. Вот и пристроили.

И все-таки ей было интересно, когда именно он начал изменять ей. Есть в этом что-то мазохистское – копаться в ране, думать, как он был с кем-то, а потом приходил и ложился в ее постель. Да...

Хотелось спросить у себя:

– Ну что, полегчало? Нашлись потерянные берега, окрепла почва под ногами?

Пожалуй, да. Если так посмотреть, они подарили друг другу несколько лет счастья. Ну а дальше – проза жизни.

Верховцев был прав, их «брак» просто изжил себя.

Полезно иногда разложить дерьмо в своей голове по полочкам. Найти корень беспокойства и с чистой совестью выдернуть его к чертовой матери. Хотела бы она знать, сколько еще дерьма всплывет, и сколько этих самых корней еще

осталось?

Но пошатнувшаяся под ногами почва и впрямь окрепла. Можно уже не смотреть в потолок, ища там ответы на глупые вопросы. Вера взглянула на часы, половина первого. Не так уж и поздно, часов шесть на сон осталось. Встала, прошла в кухню, налила себе хороший стакан коньяка и выпила залпом. А потом побрела в постель, на ходу ощущая, как приятное тепло затопляет измученный организм. Забралась в постель и уснула.

А Верховцева с того момента, как Вера ушла из его офиса, не покидало подленькое чувство, что его банально обманули. Крайне неприятное чувство. Весь день ему испортила. Как занозой сидело в мозгах это ее внезапное появление в приемной.

Рыжая стерва. Яркая, напористая, хладнокровная, опасная и умная. Он отвык от нее такой. Получалось, только и ждала удобного момента, чтобы уйти, потому и смоталась так быстро? Вот так, два счета? И даже денег от него брать не захотела?

Невольно полезли в голову дурные мысли, не зря же она была такой прохладной последнее время. У нее был кто-то другой? Другие? Твою мать!

Здорово задевало сознание того, что у нее мог быть любовник, что она могла трахаться с кем-то в ЕГО постели!

Бл*****!!!

Мужчина долго крепился, не хотел идти в тот дом, но потом просто не стало покоя от этих мыслей. Решил пройтись свежим глазом. Найти следы.

Была уже половина первого, когда он забрал ключи от консержки и со смешанным чувством вошел в свой дом. Взгляд с порога стал цепляться за все. Честно говоря, после заявления Веры, что она освободила квартиру, Верховцев ожидал увидеть все, что угодно. Баба в своей мелочной мстительности может сотворить много чего, и погром тут самое меньшее. Но в доме не было следов погрома, везде царил идеальный порядок.

И на первый взгляд, ничего не изменилось.

Только потом догадался, в чем дело. Он не мог найти ни следа от нее.

Будто по мановению волшебной палочки, раз – и все исчезло. Открывал шкафы, осматривал содержимое, потом зашел в кухню. А там в мойке кружка от кофе. Инстинктивно понял – ее. И такое зло взяло...

Запустил в стену, кружка брызнула осколками, кофейный осадок пополз потеками по кафелю. Как дерьмо.

Сука. Все зачистила, а это оставила?

Намек, что он тампон использованный?!

Я тебе покажу тампон.

Глава 6

Очнулась Вера в каком-то странном месте, зеленоватая дымка вокруг, скалы.

Черт... Как она могла сюда попасть, ведь засыпала вроде в своей постели? Первая мысль была о сыне, но потом, когда на светлеющем небе возникли сразу три разноцветные луны, в мозгах возникло просветление. Она спит.

Однако. Хороший коньяк оказался, такие качественные сны.

Раз уж она спит, Вера решила осмотреться. Чем-то напоминало квест. Вокруг были скалы, странная растительность, незнакомая. Она коснулась пальцами мха на скале и подивилась его шелковистости. Здорово, ощущение полной реальности, слуховые, зрительные, тактильные, никогда бы не поверила, что она все это видит во сне. И вдруг ощущения стали меняться, точнее, меняться стала она сама. Вместо рук появились крылья, и эти крылья стали расти, расти, пока не стали просто огромные.

Первый взмах, почти оторвалась от земли, но тут в нее вцепился какой-то страшный зверь, она так и не смогла разобрать, кто же это, видела только оскаленную морду и когтистые лапы. Странно, но боли Вера почему-то не чувствовала, и страха тоже, только сожаление и обиду. Наверное, именно

от обиды, но у нее откуда-то взялись силы стряхнуть с себя это чудовище.

А потом был полет.

Ощущение счастья, невероятной свободы...

Картинка стала медленно смазываться, а в ее сон вторглась нежная трель будильника.

Четверть седьмого. Вера отключила это злостное зло и с мыслью, что у нее в запасе еще пять минут, на минутку закрыла глаза. Продлить это волшебное ощущение еще хоть чуть-чуть. Когда она вынырнула из крепкого сна, на часах было уже почти семь. Пулей вылетела из постели будить Вовку, а потом бегом в ванную. Вот когда выяснились прелести стесненных условий, ванная-то всего одна. А вообще, было даже весело.

Поскольку они доблестно проспали, собираться теперь приходилось очень быстро. И Вовке и ей. В итоге, дожевывая наскоро сварганенные бутерброды, кое-как выехали в школу. Вера волновалась, новый маршрут, это оттуда, от Верховцевского дома она знала дорогу наизусть, могла проехать все светофоры с закрытыми глазами. А тут... И как назло, пробка. Но ничего, приехали вовремя.

Вера даже успела до начала занятий созвониться и поговорить с его классной руководительницей. Его вчерашнее отсутствие объяснила просто: переезд. У той недавно имелся собственный печальный опыт с переездом, так что Вовочке было обеспечено полное понимание.

Отправила мальчика на занятия, а сама...

Она гордо похвалилась Верховцеву, что и без него поднимет сына, но для этого надо было иметь хорошую работу. Пока мальчик в школе, Вера собиралась сходить в пару мест и навестить нужных людей.

Сначала она поехала в Департамент строительства. Там уже много-много лет работала одна милейшая женщина, Татьяна Анатольевна. Занималась делопроизводством. Бывали периоды, когда руководители вокруг нее летели со своих мест как старые шишки с кедра во время урагана, а она всегда оставалась. Бессменная и бессмертная. Потому что хоть кто-то в этом вечном хаосе должен знать, где какая бумажка.

Вот к ней-то Вера и собиралась зайти. Татьяна Анатольевна работала медленно, как черепаха Тортилла, но зато верно, и у нее в итоге каждый «буратино» получал свой «золотой ключик». Она знала в этом городе всех, была в курсе всего. Татьяна Анатольевна могла дать наводку, кому срочно требуется офис-менеджер с опытом работы и несколько заржавевшими, но очень неплохими навыками. Или что-то дельное присоветовать.

Попав в здание после стандартной процедуры получения пропуска, Вера направилась напрямиком к Татьяне Анатольевне. Но к этой богине делопроизводства сегодня было не прорваться. В коридоре топталась солидная очередь, а сделать «морду тяткой» и нагло протиснуться в кабинет не представлялось возможным. Двери сторожил какой-то упитанный

дядечка, судя по всему, торчал он тут с самого утра, потому что глаз у него подозрительно косил на всех и опасно подергивался.

Шансов нет. Вера устроилась на свободное креслице в коридоре и уже собралась ждать, как зазвонил телефон.

Почему-то сердце сжалось, она не ждала звонка. Полезла в сумочку, но там же все на дне, да еще руки от нервности неловкие. Пока нарыла, вызов прекратился, а телефон выскользнул, грохнулся на пол и еще проехал пару метров по плитке.

Черт! Черт! Черт...

Она подскочила ловить, но какой-то мужчина из очереди успел раньше.

– Спасибо, – поблагодарила Вера, беря из его протянутой руки трубку, тот только кивнул в ответ и отвернулся.

Посмотрела входящий – звонила классная руководительница сына. В желудке образовался холодный ком. Если бы это касалось каких-то школьных поборов или организационных моментов, та бы скинула ей на WhatsApp. А тут звонок, значит, это что-то личное.

Вера обвела взглядом пространство, в коридоре было слишком людно, нажала вызов и быстро пошла на лестничную клетку. Ответили ей не сразу.

– Еще раз добрый день, Надежда Валентиновна, вы звонили? – Вера старалась говорить как можно спокойнее, мало ли что мог вытворить Вовка, все-таки у ребенка стресс.

– Да... – та слегка замялась. – Вера Дмитриевна, понимаете, тут такое дело...

– Что-то случилось? – выдохнула Вера, чувствуя, что ее заливают холодом изнутри.

– Нет-нет, ничего особенного, не беспокойтесь. Просто я решила, что вам надо об этом знать.

– ЧТО? Говорите, пожалуйста, что вытворил мой сын?

– Нет, Володя ничего такого не вытворил, Вера Дмитриевна. За ним приезжал отец и забрал его...

Вере показалось, что стены качнулись, а пол под ногами пошел вниз, но учительница договорила:

– Просто такое случилось, извините, нечасто. И я решила сообщить вам.

– Спасибо, Надежда Валентиновна, – еле выдавила она и отбилась.

Как вылетела из здания, как садилась в машину, Вера почти не помнила. Все на автопилоте, а в голове миллион предположений, и ни одного хорошего. К счастью... Да, наверное, к счастью, у Вовки были умные часы с GPS трекером, Верховцев покупал. И сейчас она могла определить местоположение сына. Сама не своя от волнения, Вера рванулась туда.

Неприятно проведенный день, не менее неприятно проведенная ночь. И даже неплохой секс осадка не скрасил.

Все это настраивало мужчину на определенный лад. Ощущение использованности следовало стареть, а женщину, вызвавшую в нем это состояние, наказать. Но Александр Всеволодович не привык спешить. Прежде чем предпринимать что-то, надо разобраться, насколько он прав в своих подзрениях.

Кроме всего прочего, Верховцев хотел лично выяснить, что именно она наплела сыну. От той рыжей стервы, что заявила к нему вчера, можно было ждать чего угодно. Права была мать, когда говорила, что он ее совсем не знает. Обидно. Он все делал для нее, а в ответ что?

Конечно, были и другие, скрытые, но сильные мотивы. Она вчера здорово поддела его, сказав, чтобы впредь общался с сыном лично. В этом был такой грубый намек, что его в тот момент просто покорежило. Но скрытое, глубинное, облекалось во внешнее, и в сознании мужчины все это выливалось в отцовскую заботу и желание восстановить попорченную справедливость. Лично убедиться, что с мальчиком все в порядке, а заодно поговорить, объяснить сыну, чтобы тот понял, папа прав.

Поэтому отложив утром все дела, Верховцев поехал к сы-

ну в школу.

Видели его тут за все время всего два раза. Но его представительная внешность и специфическая аура человека, облеченного властью, сделали свое дело. Он забрал мальчика с физкультуры, пообещав, что к следующему уроку вернет.

И теперь сын сидел сзади, а мужчина молча вел машину. Начинать этот проклятый разговор оказалось не так-то просто. На пути попался парк. Мороженное. Да. Именно мороженное.

– Пройдемся? – спросил он, оборачиваясь к сыну.

– Да, – тот просто кивнул.

Вроде, не так уж много времени прошло, всего несколько дней его не видел, а мальчик как будто вырос. Выглядел серьезным и немного настороженным, и таким... на него похожим. Странно было смотреть на свою уменьшенную копию.

Черт... Он был настроен поговорить, а сейчас они шли рядом, и... У взрослого мужика не было слов.

На его счастье, по пути попалась будка с мороженым.

– Будешь? – вопрос был задан для проформы, потому что Верховцев уже взял два рожка мороженого и мотнул головой в сторону скамейки.

Уселись рядом, мороженое вкусное.

– Владимир, ты понимаешь, что именно у нас произошло? – спросил он вполголоса.

Мальчик бросил на отца быстрый взгляд, шевельнул бровями и проговорил:

– Вообще-то, это называется развод, нет?

Верховцев поморщился, почесав левую бровь.

– Да, развод... Но ты понимаешь, почему это произошло?

– Думаю да. – Мальчик отвернулся, качая ногой. – Потому что взрослые люди иногда разводятся.

– Это твоя мама сказала? – резко спросил Верховцев.

– Нет, она сказала, ваш брак изжил себя, и потому вы решили, что вам надо разъехаться.

В устах сына это звучало дико и резало слух.

– Запомни, я никогда не говорил, чтобы вы с твоей мамой переезжали в тот же день! Никогда! Я хотел, чтобы вы жили там, пока я подберу для вас подходящее жилье. И потом...

– Все в порядке, пап. У нас уже есть жилье, можешь не беспокоиться.

Мальчик улыбнулся, как будто подбадривал, мол, все хорошо, ты не очень обосрался. Его, бл***, подбадривал! Взрослого дядьку. Пришлось набрать побольше воздуха в грудь. Он повертел в руке вафельный рожок с недоеденным мороженым и забросил его в урну.

– Ты можешь по-прежнему жить у меня, – вырвалось у него спонтанно.

Тут сын странно на него уставился, совсем недетские мысли пронеслись в глазах девятилетнего ребенка, а потом он сказал:

– Прости, но я не могу. Понимаешь, папа, должен же с мамой оставаться кто-то из мужиков.

Бл*****....!!! Верховцев отвернулся, закрывая глаза рукой. Отряхнул брючину, надо было отдышаться. Прокашлялся, прежде чем прохрипеть:

– Каких... Мужиков?

– Ну, ты не можешь, значит, это должен быть я.

А это уже был удар под дых. Мужчина ощутил себя так, словно его снова макнули в дерьмо. И пока он переваривал сказанное, сын, повертев в руке пеструю упаковку, сказал:

– Спасибо, пап, мороженое вкусное. А теперь мне надо вернуться в школу.

– Да, конечно, – глухо проговорил Верховцев.

Такой эмоциональной встряски, какую он получил сейчас, не давали самые сложные переговоры. И это ощущение, что он безнадежно упустил что-то, и желание наверстать, доказать...

– Я заберу тебя на выходные.

Пообещал он, когда уже отъехали от парка. Скорее себе, чем сыну.

Вера спешила как могла, но там как всегда пробка. Извелась, внутри все трясется, один глаз постоянно в навигаторе, следить, где сын. Потому что точка, которая была Вовкой, сначала двигалась, потом замерла, а теперь снова двигалась. В какой-то момент поняла, что они почти одновременно приближаются к одному месту – к школе.

Так и случилось. Когда она подъехала, сын уже выходил из машины Верховцева. Выскочила, бежать к нему. А перед глазами темно. Как в замедленной съемке захлопнулась за спиной мальчика дверь, огромный черный внедорожник с тонированными стеклами развернулся буквально на месте, рванул, внезапно ускорившись, и просквозил мимо. Вовка остался на тротуаре один.

Только когда сын подбежал к ней, и она смогла его обнять, Вера почувствовала, что дышит. Замерла, а сердце колотится, как будто хочет выскочить, колени ватные.

– Мам, ну ты чего, все в порядке же. Мам, отпусти, пацаны смотрят, – буркнул Вовка, и она опомнилась.

Отпустила сына, отодвинулась. Даже смогла улыбнуться.

Только сил уже никаких. Ни к Татьяне Анатольевне в Департамент возвращаться, ни ждать, пока у него тут уроки закончатся. Ничего она уже была не в состоянии. Пропал день. Завтра все, завтра...

– Вовка, – проговорила Вера, глядя на сына. – Я думаю, что сегодня ты опять прогуляешь уроки.

Надо было видеть, какой у него проскочил взгляд. На нее, на школу, у мальчишки аж глаза загорелись.

– Здорово! Я как знал, рюкзак с собой забрал!

В этот момент он так живо напомнил ей Верховцева. Не этого, теперешнего, а того, прежнего, с которым она была счастлива когда-то... Вера отвернулась, закусив губу. Защемило сердце и вдруг налилось болью. Жаль, безумно жаль, что все это ушло, и прошлого теперь не вернуть.

– Ма, ну мы едем? – спросил Вовка.

– Ну, конечно, запрыгивай в машину.

По дороге Вера молчала, погруженная в свои мысли, все-таки, как бы крепка ни была броня, которой она постаралась окружить свое сердце, ей было горько и ужасно обидно. В первый момент все перекрыл страх за сына, но потом эти чувства начали просачиваться, как боль после отходящей анестезии.

А перед глазами стоял его внедорожник, промчавшийся мимо. Черная машина, черные окна, и не видно что там, внутри. Глухо все, закрыто, как теперь от нее его жизнь. Опять всплыли в памяти слова драгоценной «свекрови» Валерии Аристарховны:

– Не того ты поля ягода.

Передернула плечами, сбрасывая с себя наплывающий негатив. Ну не того, и не надо. Слава Богу, с Вовкой все в

порядке. Сейчас они домой приедут...

– Вовка, хочешь пиццу?

– Да. Да! – и затараторил, сколько и каких сортов он хочет.

– Лопнешь, – усмехнулась она.

– Не, не лопну.

– А мороженое?

– Нет, – тон у мальчика как-то неуловимо изменился, он отвернулся к окну и проговорил: – Мороженое мы с папой ели.

Повисло молчание. Вера выдохнула и все-таки спросила:

– Ну... И как там с папой?

– Нормально. Сказал, заедет за мной в выходные.

Веру аж повело. Не хотелось ей, чтобы он приходил в ее дом. Абсолютно не хотелось!

– Мам, ну сказал же, не раскисай! – подал голос мальчишка. – Нормально все, ну правда, ма.

– А я и не раскисаю, – нашлись силы улыбнуться. – Ну что? В кафе или закажем доставку?

Мальчик секунду размышлял, потом так натурально вздохнул:

– В кафе, конечно, хорошо, но дома надо прибраться... Заказывай доставку.

– Как скажешь, – улыбнулась Вера, на сей раз по-настоящему.

Понимает парень, что за него никто в его кабинетике на лоджии убираться не будет. Нет, она бы, конечно, убралась,

но то, что он сам... Это было приятно.

Честно говоря, увидев Веру около школы, Александр был ошарашен, как будто она застигла его на месте преступления. А потом зло взяло.

Какого черта?! Это его сын, у него такие же права.

Специально проехал мимо, хотя ему было в другую сторону. Чтоб знала, будет навещать сына, когда захочет, а не когда ей заблагорассудится ему позволять. И вообще, у нее был такой вид, как будто он по меньшей мере людоед какой-то. Неужели она думала, что он может как-то повредить сыну?

Ненормальная. Ненормальная, бл***.

В этот момент ему пошел вызов.

– Да! – рыкнул он, не глядя.

– Александр, как ты со мной разговариваешь?

– Прости, мама. Что случилось?

– Как что? Как ты мог позволить этой... особе увезти ребенка?

Моментами от речей матери у него сводило челюсти. Сейчас был как раз такой момент.

– Она мать этого ребенка.

– И ты даже не поинтересовался, куда она забрала моего внука?

– У нее есть квартира, – Верховцев начал потихоньку закипать.

– Вдруг это какой-то вертеп? Ты об этом не подумал? Это у тебя дома она тихо себя вела. А там? Я не уверена. Это такая особа... Вдруг она станет пить и водить туда любовников?

Бл*****...! Бл*****! Бл*****!!!

– Мама. Будь любезна. Оставь меня в покое. Я сейчас занят!

Последние слова он уже орал, понимая, что все. Последний предел! Вывела его Валерия Аристарховна!

Конечно, одной только доставкой пиццы дело не обошлось. Они с Вовкой еще быстренько заскочили в супермаркет и набрали моющих средств, фруктов, молочку, короче, всякого разного по хозяйству. Хоть Вера и порывалась, тяжелые пакеты Вовка тащил сам.

Домой пришли, а там... конечно, бардак.

Вера даже растерялась, когда все это разом с порога бросилось в глаза. Утром она так спешила, что даже постель не заправила. Ее халатик валялся на самом видном месте в прихожей, кошмар, неряшливо так, хорошо, хоть не трусы. Быстро подобрала, повесила в ванной и, пока Вовка заносил пакеты на кухню, прошла внутрь.

Вчера вроде казалось, что с девчонками прибрались, но на

дневной свет да свежим взглядом... Она теперь не знала, за что хвататься, то ли с ходу начинать все скрести, полы мыть, то ли в кухне прибираться, там тоже со вчерашнего вечера посуда осталась. Позволила себе один день расслабиться.

Но прежде всего надо поесть. Взглянула на часы, с минуты на минуту должна быть доставка.

– Иди, мой руки, сейчас пиццу привезут. И вытащи из холодильника салат, что тетя Марина принесла, там еще должен был оставаться.

А сама пошла в спальню, переодеться и хоть постель побыстрому застелить.

Вот поедят, потом она наведет чистоту, порядок. Вечером позвонит куда надо, а завтра со спокойной душой к Татьяне Анатольевне. И уже планомерно займется поисками работы.

Звонок в дверь.

Вера крикнула из спальни:

– Вовка, глянь, там пиццу, наверное, принесли. Я сейчас подойду! – стала быстро натягивать мягкий домашний костюм.

Слышно было, как мимо спальни протопал сын, потом звук открываемой двери и...

И тишина.

Вера метнулась в прихожую и обомлела.

Глава 7

В дверях стояли какой-то мужчина с небольшим пакетом и... Веру чуть не вывернуло. Бывшая свекровь. А из прихожей на них ошарашенно смотрел Вовка.

Немая сцена. К нам приехал ревизор.

Первым отреагировал мужчина. Прокашлялся и протянул пакет.

– Это... У вас из пакетов выпало.

Вера узнала пакетик, шуманит и бутыль уайт-спирита ей в супермаркете упаковали отдельно. Конечно, было бы досадно, если бы это все потерялось, но присутствие тут свекрови делало всю ситуацию запредельно абсурдной. Очевидно, до мужчины дошло. Он покосился на замершую статуей пожилую женщину и выдал:

– Кхम्म... Видимо, когда машину закрывали, не заметили. Я решил занести. Я тут рядом живу. Извините.

– Спасибо, – пробормотала Вера и быстро взяла протянутый пакет.

Тот кивнул всем сразу, бросил еще один взгляд на бывшую свекровь и ушел. А вот Валерия Аристарховна осталась.

Повисло тяжело молчание. Вера не могла понять, как она вообще тут оказалась, зачем? Какого черта ей тут надо?! В воздухе аж звенело от напряжения. И вдруг это статич-

ное противостояние нарушилось. Не дожидаясь приглашения, бывшая свекровь молча прошла внутрь.

Ни тебе здравствуй, ни можно войти? Как ее всегда бесила эта бесцеремонность, это показательно-презрительное отношение к плебеям!

Тяжело выдохнув и стиснув зубы, Вера пошла следом. Эта женщина застала ее в самый неподходящий момент, Вера и сама видела весь этот беспорядок как под микроскопом, каждая мелочь перла в глаза. По сердцу стал разливаться яд дикой досады и злости на себя.

– Почему ребенок открывает дверь кому попало? – холодно спросила Валерия Аристарховна, с брезгливостью оглядывая ее квартиру. – В дом может войти кто угодно, сделать что угодно.

Вовка уже не маленький, он почти с нее ростом, хотелось крикнуть Вере! В его возрасте дети уже достаточно самостоятельны и спокойно пользуются общественным транспортом. Что собственно, в ближайшее время и произойдет, когда она выйдет на работу. И вообще, она не собиралась воспитывать из сына оранжерейное растение. Это они, богатенькие сверхчеловеки, пусть сидят за семью замками да с сигнализацией. А они простые люди, им можно жить свободно.

Но да, Вера готова была признать, что в словах бабки есть доля истины, надо предупредить Вовку, чтобы дверь, кому ни попадя, не открывал. Впрочем, тот уже и сам все понял и сделал правильные выводы. Мальчик был неприятно пора-

жен и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Все, довольно! Но только Вера собралась сказать дражайшей Валерии Аристарховне, что ей пора, как та деловито свернула в кухню. И замерла, уставившись на следы вчерашних посиделок. Грязную посуду, стаканы, початую бутылку коньяка и пустые винные бутылки на полу в уголке за холодильником.

– Я так и знала! – и такое торжество, победный блеск в глазах!

– Что вы знали, Валерия Аристарховна?! – не выдержала Вера.

– Что начнутся попойки, мужчины!

– Что...? – это было настолько неожиданно, что Вера даже растерялась.

– Для моего внука недопустимо оставаться в этом... хлеву, – она даже всплеснула руками для большей трагичности. – С безработной алкоголичкой матерью!

– Что? Что?!

Веру задело даже не то, что ее обозвали алкоголичкой, нет.

– Давно мой сын стал вашим внуком? Вы же его все эти годы в упор не замечали, так почему вдруг заинтересовались теперь?

– Потому что он Верховцев, – упрямо заявила старуха. – А Верховцеву здесь не место.

Все. Предел наступил.

– Знаете что, Валерия Аристарховна... Говорю вам второй раз, в третий раз повторять не буду, просто спущу с лестницы. Убирайтесь из моего дома, и чтобы духу вашего здесь не было!

Они застыли, глядя друг на друга и начисто забыв обо всем. Вдруг раздалось легкое покашливание:

– Э... Хозяйка... Извините, дверь была открыта, и я э... пицца. Это же 134 квартира? Заказ будете брать?

Вера отмерла.

– Да... Проходите, положите здесь. Я сейчас.

– Вот. Я же говорила! Дом открыт настежь, заходите кто угодно. Я этого так не оставлю, – проговорила бывшая свекровь и удалилась, оставляя после себя какой-то прямо осязаемый шлейф неприязни.

Паренек разносчик пиццы тоже ушел следом. Смущался, прятал глаза, конечно, не каждый день становишься свидетелем такой отвратительной сцены. Вера тяжело опустилась на стул и закрыла лицо рукой.

Как-то слишком много Верховцевых в ее жизни стало...

Господи милосердный, что плохого она им сделала, что они никак не хотят оставить ее в покое? Ведь ей же ничего от них не нужно, она им никто, так зачем же трепать ей нервы теперь?

– Ма, мы есть будем? Я все приготовил...

Вовка. Пока она сидела в прострации, убрал пакеты и накрыл на стол.

– Будем, конечно.

– Ма... – мальчик неожиданно подошел и неуклюже обнял ее. – Все будет хорошо, вот увидишь. Ма!

– Да. Да. – Прижалась к нему, слезы закапали.

– Ты не бери в голову, что она сказала. Ты же не такая. А она просто... старая женщина.

Действительно, что это она так распозлзась? Ну подумаешь, очередная порция яда, мало их было в ее жизни?

– Не буду, – сказала Вера. – Давай, что ли, кушать, пока пицца еще не остыла?

Видя, что мать пришла в себя, ребенок просиял улыбкой и тут же ткнул пальцем в коробку:

– Мне чур вот эту, с курицей и грибами, и пепперони, и с беконом!

Не выдержала, рассмеялась.

Поесть, конечно, было хорошо. Вроде и сил прибавилось, и настроение после эмоциональной встряски хорошее вернулось, достаточно было вспомнить физиономию Валерии Аристарховны, когда она ее культурно попросила исчезнуть из их жизни. Однако где-то там, на дне, в глубине души скребли кошки. Похоже, Верховцевы от нее так просто не отстанут.

Остаток дня прошел в трудах. Как-то они с Вовкой по взаимному соглашению больше не поднимали тему, которую затронула внезапно озаботившаяся родством бабка Верховцева. Однако Вера, нет-нет поглядывала в сторону сына, копошившегося в лоджии со своими бесконечными коробками.

Ему там было тесно, и даже расставив все в идеальном порядке и три ряда, все равно не уместится и половина. Все эти нависающие полки... Немного неосторожно дернется, ударится головой. Как Меньшиков в Березове*, блин.

Невольно приходила в голову мысль, а правильно ли она поступила?

Имела ли она право из-за личных обид и амбиций лишать ребенка привычного комфорта? Ну, перетерпела бы. Подумаешь, изменил, отправил ее на списание Верховцев, зато Вовке было бы хорошо. У них возможности, связи, деньги. Учеба за границей, перспективы. Все. Ради сына, ради его будущего и не то можно вытерпеть.

Но было бы сыну хорошо с такой пришибленной рабыней матерью? И что за будущее? Жить и дальше по остаточному принципу, покорно дожидаясь момента, когда у мужа появится новая, настоящая семья? А Вера была уверена в том, что она, несомненно, появится, не зря та худенькая девочка так прочно влезла Верховцеву в постель, что он вытряхнул

оттуда ее. Она не станет разменивать на ничего не значащие временные отношения, а женит его на себе. И будет совершенно права.

И пойдут тогда дети. Настоящие Верховцевы, законные, не то что второсортный ублюдок какой-то бывшей гражданской жены, по-простому – сожительницы. Ублюдок, бл***! Вера убила бы любого, кто этим словом назовет Вовку, но увы. В этом была горькая правда и проза жизни.

Будет ли хорошо Вовке в таких условиях?!

Мы ведь бедные, но гордые. И хрен с ним, что не поедет учиться за рубеж. Образование здесь у нас ничуть не хуже, чем в закордонье. Мальчик он неглупый, было бы желание учиться. А перспектив для тех, кто может и хочет работать еще больше. Не зря все они у нас свои деньги делают. И да, черт побери, Вера готова была расшибиться в лепешку, но дать Вовке все.

Сомнения улеглись, однако вечером, когда они ужинали, все-таки спросила для очистки совести:

– Слушай, а может быть, Валерия Аристарховна в чем-то права?

Для себя-то она все бесповоротно все решила, но сыну, может, действительно будет лучше жить с отцом? Вовка так и вытаращился на нее с набитым ртом, даже жевать перестал. Потом аккуратно отложил в сторону кусок пиццы и выдал:

– Ты что? ма?

– Я имею в виду, сын... У них ведь возможностей больше. Ну... если бы.

– Прекрати. Иначе я обижусь! – рявкнул сын, сердито сверкая глазами.

Ну чистый Верховцев в молодости... Такой же грозный, волевой и горячий. Вере стало одновременно и смешно, и удивительно тепло сердце.

– Хорошо, как скажешь.

Вот и закрыли вопрос.

Ночью ей снилось...

Черный внедорожник ей снился. Как будто проехал мимо, а она стояла на улице и смотрела, совсем как тогда днем. В нем Верховцев, и у него на коленях эта тоненькая красивая девочка. В обтягивающем сексуальном сарафанчике, такая хрупкая в его руках. Он обнимал ее, что-то горячо шептал на ухо и лез под узенькую юбочку нетерпеливыми руками. А она смеялась.

Проснулась Вера в холодном поту. Хотелось кричать, потому что от этой картины гвоздь ворочался в сердце. Снова уставилась в призрачный потолок, а в голову полезли мысли.

Интересно, он уже поселил свою куклку в бывшей их квартире? А если поселил, то трахает он ее в той самой постели где...

Дальше просто не стало дыхания. Раскаленные слезы рвали душу изнутри, но так и не выливались наружу, испаряясь где-то по дороге. Тяжело это, пережить измену.

«...ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные...»**

Глаза опять не закрывались. Что же делать-то... Вера вышла на кухню, полезла в шкафчик за коньяком. И застыла, сжав кулаки. Проверенное средство?

Нет. Если она будет так лечиться каждый день, действительно станет алкоголичкой на радость бабке Верховцевой. Постояла у окна, сложив руки на груди, посмотрела в ночь, а потом ушла к себе и легла в постель. И даже заснула. Только во сне ей больше ничего не снилось.

Как бы то ни было, ночь прошла.

А утром она снова была готова бороться. Держать голову высоко, и никаких отголосков ночных мыслей. Завезла Вовку в школу, а сама поехала к Татьяне Анатольевне в Департамент.

Примечания:

* – «Меньшиков в Березове» – картина Сурикова.

** – Стих из Песни Песней Соломона. Ветхий Завет, Библия.

Глава 8

Все-таки вторник, это вам не понедельник. Сегодня Вере удалось без особых затруднений проникнуть в вожделенный кабинет. Татьяна Анатольевна ждала ее и встретила тепло. Вера всегда умела ладить с людьми и со всеми находила общий язык. Потому что взаимопомощь – наше все.

– Решила вернуться в строй? Одобряю. Нечего дома сидеть, – сказала Татьяна Анатольевна, объявив десятиминутный технический перерыв, чтобы они могли усесться с чаем и тихонько посекретничать. – Значит, ушла-таки из NN от Верховцева? Да... Зря он, конечно, тебя отпустил. Зря.

– Там все в порядке, Татьяна Анатольевна. У Верховцева есть достойная замена, – улыбнулась Вера.

Та глянула на нее насупившись, пожевала губами.

– Вот если бы года три назад... У нас был такой выбор, но ничего, сейчас тоже кое-что имеется, – вздохнула и полезла в стол, вытаскивая список, напечатанный на листочке А4, и зашептала: – Смотри, вот это хорошие, проверенные люди. Проверенные фирмы, без грядущего банкротства. Кое-кого тут я обзвонила, кружочками помечены. Ну, в общем, держай. И... Удачи тебе.

Вера тепло поблагодарила женщину, допила чай и ушла, унося в сумочке список. Обрадоваться пока толком не успе-

ла, да и радоваться рано. Вера понимала, что найти подходящую работу будет непросто. К тому же придется срочно подтягивать уровень подготовки и знания, два года сидения дома не прошли даром. Но это был шанс, а шанс давал надежду.

Из Департамента она поехала сначала в большой супермаркет, все-таки, что ни говори, а переезд равняется трем пожарам. На обратной дороге собиралась заехать в школу, забрать Вовку и вернуться домой. Надо было еще продумать как-то, как сделать, чтобы он мог ездить сам общественным транспортом, но это Вера оставила на потом. Поездит пока с ней, проблемы надо решать по мере поступления.

Вчера очередной звонок матери застал Александра в лифте. Мать была возбуждена, пыталась что-то сказать. Мужчина поморщился, что ж ей неймется.

– Подожди, мама, ничего не слышу, сейчас выйду из лифта и перезвоню.

Тот звонок в дороге вывел его из себя, но пока ехал, Александр успел успокоиться. В конце концов, дел полно, работать надо, а не носиться по городу. Предчувствуя очередной малоприятный разговор, пошел не в кабинет, где его ждала Вика, а в курилку.

Под это дело был оборудован отгороженный светопроницаемой перегородкой стеклянный затон у входа в мужской туалет. Обычно курилка пустовала, потому что у него в офисе, да и в целом во всей его NN компании, пропагандировался здоровый образ жизни, но вентиляция тут была отличная, а также вид на город.

Секунду – вторую смотрел в панорамные витражи, собираясь с силами, потом набрал номер матери.

– Да, мама, что стряслось опять?

На него полился поток возмущения, по отдельным репликам Александр смог понять, что дело касается его бывшей жены и ребенка.

– Мама, на части и постарайся яснее.

На том конце возмущенно замерли.

– Как ты со мной разговариваешь, Александр? Похоже, ты перенял дурные манеры этой невоспитанной особы.

Кажется, к матери вернулось обычное присутствие духа.

– Давай опустим то, какой я непочтительный сын. В чем дело, мама?

– В том! Ты видел, куда она увезла сына?! Там же хлев, свинарник! Мой внук вынужден ютиться на лоджии, чтобы эта... Эта алкоголичка могла устраивать попойки и водить к себе мужчин!

Он отвел от лица трубку и зажал в ладонь, чтобы не взречь. Несколько секунд боролся с желанием зашвырнуть телефоном в стену, но перед ним было стекло. Александр жил

с этой женщиной десять лет, у Веры хватало недостатков, но алкоголизма среди них точно не было. Задело другое.

Он прочистил горло.

– Это даже для тебя слишком, мама. Откуда ты об этом знаешь и о каких мужчинах ты только что говорила? О КАКИХ?! – Он и сам не ожидал, что так взовьется от слов матери. – Тебе это доподлинно известно? Есть свидетели? КАКИХ??!!

– Потому что я была там, в этом вертепе! И видела все своими глазами.

– Что? – осекся мужчина, мгновенно похолодев. – Что ты видела?

На сей раз Валерия Аристарховна смогла более внятно все перечислить. Он слушал, и не мог понять, откуда это давящее ощущение в груди, как будто ему нечем дышать? А в мозгу отдавалось это проклятое: мужчины... мужчины...

– Каких мужчин ты видела у нее мама? – прервал он поток возмущения.

Видит Бог, Александр старался говорить спокойно, голоса не повышал, но теперь уже осеклась его мать.

– Ну как же... Кто-то же перетаскивал ее вещи? Грузчиков она не нанимала. И еще... При мне какой-то мужчина принес ей пакет, который эта растяпа оставила на стоянке. Я не удивлюсь, если она вообще все растеряет, кстати, ты проверил, в каком состоянии квартира? Потом появился разносчик пиццы, вошел, прямо как к себе домой. А потому что

дом открыт настежь! И... – тут она замялась и в трубке слышались то ли рыдания, то ли сопение. – Она при нем сказала мне... Мне! Чтобы я убиралась и духу моего там не было, грозила спустить меня с лестницы! При нем, при этом разносчике... Какой позор! Александр, если ты так это оставишь, я не знаю...

Мужчина слушал, и противоречивые чувства одолевали его, а сердце, казалось, ерзало в груди.

– Зачем ты ездила к ней, мама? – спросил он наконец. – Кто тебя просил? Я тебя об этом просил?!

– Я...

– Я сам разберусь с этим, мама. Будь любезна, больше не вмешивайся в мою жизнь!

– Но там же... Я хотела...

– Я знаю, ты хотела как лучше, но я разберусь со всем этим сам!

– Тебе все равно, что она меня оскорбила?!

– Она принесет тебе извинения, – проговорил он и отбилсь, понимая, что еще немного, и его просто разорвет.

Потом долго стоял, прислонившись лбом к стеклу. В груди kloкотало от смеси гнева и какой-то болезненной обиды, мысли носились в голове. А перед глазами снова стояло лицо Веры там, перед школой. Этот ее дурацкий страх, настороженность. Спрашивается, за что? Что он сделал ей такого, что она готова принять помощь от кого угодно, от человека с улицы, только не от него?

Кулаки невольно сжались.
За спиной раздался тихий звук.

Тихонько отворилась дверь. Верховцев сразу обернулся. В курилку неслышно скользнула Вика. Его старший офис-менеджер, личная помощница, Она с ним уже больше полутора лет. Очень талантливая девочка.

Верховцеву нравилась ее мягкая податливость и вместе с тем упорство, Вика умела добиваться своего, работать по семь дней в неделю и не сворачивая идти к цели. Достоянная замена Вере во всем. И она устраивала его в постели. Более чем.

Вика молча подошла, встала за его спиной и стала разминать затекшие плечи. У нее ловкие руки, и легкий массаж был приятен.

Уже больше года он жил с Викой на съемной квартире, и все было хорошо. Единственное, что омрачало – приходилось разрываться на два дома. Но и это он собирался уладить в скором времени, потому и ушел от Веры. Чтобы уж окончательно...

Мужчина тяжело выдохнул.

Массаж делал свое дело, мышцы расслабились. Теперь бы еще из головы прогнать напряжение. Он взглянул на девушку.

ку. Покорная, ждет. Да, ее покорность сейчас именно то, что ему нужно.

– Иди и жди меня. Поняла? И...

– Я поняла, – опустила глаза та, голосок задрожал предложением. – Я приготовлюсь.

– Хорошо. Даю тебе пятнадцать минут. И отложи на предстоящий час все встречи.

– Уже, – проговорила Вика, бросила на него быстрый взгляд и вышла из курилки.

Он снова отвернулся к витражам. Усмехнулся. Неплохо эта девочка его изучила. Хороший секс с ней поможет избавиться от ненужных мыслей, а завтра он сам удостоверится, что там и как.

Нет, завтра он ничего не станет делать. Не станет суетиться. В выходные.

Хороший секс действительно помогает, успокаивает нервы, после этого работается лучше. А вот мысли успокоить и не удалось. Обида так и бродила в нем, постоянно будоража, вызывая злость. К концу дня, однако, он дозрел до определенного шага, чтобы загасить все эти мысли.

Вера освободила и выдраила до зеркального блеска его квартиру? Вот и хорошо, чего тянуть, перебраться уже сей-

час. Этим вечером он перевез туда Вику.

И теперь исподтишка наблюдал, как девушка осматривается. Что ей у него дома понравилось, это было видно сразу, впрочем, в этом мужчина не сомневался, Вика всегда хотела переехать к нему.

Невольно подивился только одному моменту. Каким безошибочным чутьем обладают женщины, как они мгновенно находят то самое место, которое надо «пометить» собой. Из трех одинаковых пустых спален она выбрала именно ту самую. Их семейную.

Повертелась, трогая стены, мебель, заглянула в шкафы с его вещами. А потом, призывно улыбаясь, опустилась на кровать и развела ножи.

Это возбуждало. Настраивало на правильный лад. Но стоило на какой-то миг отвлечься, и в голову снова просочились непрошенные мысли. Ему вдруг померещилась тут, в этой кровати Вера. Черт бы его побрал! Как будто дух рыжей стервы остался в этой комнате охранять ЕЕ постель!

Схватил Вику за волосы и оттащил в гостиную. Она сначала взвизгнула от неожиданности, но потом быстро сориентировалась, понимая, что сессия началась. Очень понятливая девочка. И сессию провел отлично – на полу в гостиной. Спать потом отправил ее в одну из гостевых спален, а сам так и убил полночи, валяясь на ковре в гостиной, и таранился в потолок, перекатывая в мыслях идиотское: «Почему?!»

Уже под утро перебрался на диван.

Ничего. Все пройдет. А это выветрится, сотрется нах**.

Утром все было хорошо. Никаких лишних вопросов не последовало, Вика довольно жмурилась.

Рабочий день начался как всегда. Привычный ритм, звонки, дела по нарастающей. Но где-то с десяти часов его стало грызть что-то изнутри. Сначала крепился, а потом все же залез на сайт школы сына, посмотрел расписание, когда заканчиваются уроки. Велел перенести все и высвободить ему это время.

И к концу занятий выехал туда. Один.

Подъехал к школе немного раньше. Оставалось еще какое-то время до звонка. К самому зданию подкатывать не стал, там и без того толпились пешие и «конные», в смысле, на машинах. Мамки с колясками, бабушки. Были в этой толпе даже отцы.

Понятно, что встречают не четвертый класс, а, скорее всего, первоклашек, но... Черт побери, это все захватило его и, вместе с тем, вызвало волну горечи. Потому что прошло мимо него. Сыном занималась Вера.

Мужчина в большом черном джипе с тонированными стеклами сидел, погруженный в свои мысли, и смотрел на это все издали. Что же получалось? Она все это время созна-

тельно оттирала его, не подпуская к сыну? Создавала между ними стену?

Или все-таки это он сам раз за разом упускал какие-то очень важные моменты, считая их проходящими, малозначимыми и мелкими? Как, например, день рождения сына. Кстати, надо будет спросить сына, понравился ли ему подарок. Вика покупала, она лучше разбирается, что теперь у подростков в моде.

А вообще, это все она. Вера. Это она всегда создавала вокруг него такую обстановку отчужденности, внушала мальчику, что папа занят. Верховцев выдохнул, уткнувшись носом в кулак. Настолько убедительно, что он должен в это поверить? Сам понимал, то, в чем сейчас пытается обвинить ее, абсурдно.

Неприятные мысли. Мужчина заерзал в кресле и потер лоб. Ну, приехал он сюда, сорвался вот так спонтанно. Но он же даже толком даже не знал, что собирался говорить. И хотел ли говорить вообще?

Короче, зудело, потому и приехал! И никого не касается, что он будет делать и зачем.

В это время как раз прозвенел звонок и Верховцев невольно дернулся, рука потянулась открыть дверь. Сработало стадное чувство, потому что вместе со звонком зашевелилась толпа у входа. Он остановил себя, понятно же, дети не выскочат из дверей сию секунду с воплями, как каманчи.

И тут отчетливо вспомнилось вдруг собственные школь-

ное детство. Промелькнуло в сознании, словно теплая волна. Тогда, больше тридцати лет назад, в конце восьмидесятых, они еще не были такими уж небожителями как теперь. И у него было почти нормальное советское детство, друзья...

Именно в этот момент он краем глаза заметил движение. Знакомая машина. Вера.

Лихо, однако, паркуется его бывшая, он и не подозревал, что она так умеет. Увидев ее, Александр резко передумал покинуть машину, инстинктивно пригнулся и даже почему-то внутренне обрадовался, что остановился подальше и ей его не видно. Ему стало стыдно этого своего движения, сердито выдохнул и выпрямился.

Но та и не смотрела по сторонам. Несколько секунд закрыть машину, а потом она стремительно двинулась к дверям школы и затерялась среди ожидавших бабушек и матерей. Только рыжая грива ярким пятном виднелась в толпе. А он прилип к этому яркому пятну взглядом.

И ведь, что странно, двери открылись как раз в тот момент, когда она оказалась напротив. Хмыкнул, похоже, у его бывшей каждое движение тут было выверено по минутам. Но вот толпа отодвинулась, открылись двери и...

Он опять неосознанно дернулся вместе с толпой, потому что понял, в этот момент из школы начали появляться дети. Непонятное, волнительное чувство какой-то идиотской причастности, хотя, казалось бы, ожидание – пустая трата времени.

Издали все это напоминало гудящий улей, родители разбирали своих чад, все это двигалось, перемещалось. Александр не сразу заметил, что у него застыла спина от напряжения. Долго, однако.

Сменил позу, устраиваясь поудобнее. И снова смотрел, как прикованный, на этот странный спектакль. Наконец увидел, как рыжая макушка бывшей вынырнула, и убедился, что сын рядом с ней. Невольно отметил, что девятилетний Вовка скоро мамку перерастет, что-то зашевелилось в сердце.

Она его что-то напряженно и с интересом расспрашивает, он жестикулирует отвечая... Смеются.

Поглощенные друг другом, они были как в своем мирке, и издали смотрелись так самодостаточно, что его заело.

Какого черта он должен чувствовать себя каким-то лишенцем?! Какого, бл***?!

Завел машину и к чертовой матери уехал, ругая себя, что торчал тут битый час.

Отъезжающий черный внедорожник Вера заметила случайно. В первый момент даже глазам не поверили. А потом сжалось сердце.

Он приезжал? Что делал здесь? Зачем?

Неприятно.

Глава 9

Как холодком по душе прошла эта черная машина. Сразу всколыхнулось и то чувство, что у нее осталось от визита дражайшей Валерии Аристарховны, и ночной сон. Осадок. Вера нервно передернула плечами, мысленно сгоняя по позвоночнику противную дрожь.

Мало ли зачем он там оказался, в конце концов, ей незачем следить за всеми перемещениями Верховцева.

Рядом Вовка воодушевленно рассказывал о том, как прошел его день, это было важнее. Да и у нее самой были неотложные дела.

Приехав домой, Вера первым делом покормила сына, а потом кинулась еще раз лизнуть квартиру, ибо, наученная горьким опытом, сделала вывод, что незваных гостей может быть еще много и появляться они будут внезапно. Потому надо быть готовой ко всему.

Из Вовкиной лоджии неслась музыка, сын слушал старые песни Арии в исполнении Кипелова. Надо сказать, это его «Я свободен!», настраивало на позитивный лад и очень даже способствовало уборке. Одним глазком заглянула, как он там. Когда все более или менее утряслось, сын оборудовался в своем кабинетике довольно уютно и рационально. Помужски так.

Мальчик вообще развивался немного быстрее сверстников, в школу пошел на год раньше, да и соображал уже достаточно взросло. Потому Веру не беспокоило его увлечение роком, если психика крепкая, то ее поколеблет ничто, а если слабая, то увы, причиной нарушения может стать что угодно.

Невольно засмотрелась. Она, конечно, ужасно гордилась сыном. И тем, что он так похож на отца, и тем, что взял самое лучшее от обоих...

Стоило мыслям соскочить на Верховцева, благостное настроение сразу сошло на нет.

Надо бросать тряпку и начать заниматься делами.

Теперь Вера с завистью посматривала на Вовкин кабинет в лоджии, потому что устраиваться с ноутбуком в спальне было не с руки. Вера пошла в кухню. Там, в принципе, было даже удобно, и чайник рядом. Заварила себе большую кружку кофе, положила рядом список Татьяны Анатольевны и пошла по порядку искать в сети исчерпывающую информацию.

Ушла с головой и очнулась только вечером, когда сын забрел на кухню и спросил:

– Ма, мы ужинать будем?

Вот это она посидела!

Встряхнулась, разом вспомнив, что и сына кормить надо, и домашку проверять, и кучу еще разного по хозяйству. Вертелась опять допоздна, одно доделать, начать другое.

На самом деле все просто оттягивала момент, когда надо

будет лечь в постель и заснуть. А во сне... Над своими снами-то она не властна. Во сне может явиться всякое. Например, как бывший муж занимается любовью со своей новой пассией.

Когда наконец осознала, что с ней происходит, просто бросила все и пошла спать.

Когда у мужчины разные женщины, есть возможность сравнивать.

Начиная с того момента, когда Верховцев взял новую девушку на место ушедшей на практически бессрочный бюллетень Веры, он этим и занимался. Конечно, в первый момент, когда остался без такой помощницы, какой была Вера Самойлова, ощущал себя как без рук. Сразу выплыло море вопросов, которые решала она, а ему даже не приходилось об этом задумываться.

Честно говоря, посмотрев кучу кандидаток, Александр уже почти отчаялся найти кого-то, кто мог бы хоть как-то заменить Веру. Но. Эта девочка, Виктория.

Она была совершенно другая, почти полная противоположность Веры по характеру. Но она справлялась. И для мужчины, лишившегося в тот момент регулярного секса, она... В общем, у него на нее встал.

Много времени, которое они проводили вместе по работе. Оно приобрело для него этакую пряную окраску. Потому что Верховцев снова ощущал себя охотником, медленно, но неумолимо подкрадывающимся к добыче. Девочка с этой ее смесью податливости и упорства, привлекала его больше и больше. Ну а когда он таки завалил ее в постель и выяснил, что это маленькая хрупкая куколка разделяет его пристрастия, стало совсем хорошо.

Однако был некий момент, омрачающий существование – Вера к тому времени уже вернулась домой из больницы. Одно дело, завести роман на стороне, пока жена где-то далеко, и ты практически свободен. Это ощущается как нечто запретное, но ужасно горячее, как отдушина. И это затягивает, хочется продолжения, а тут на тебе. Надо возвращаться в семью.

Это был довольно сложный для него момент, особенно сначала. Приходилось преодолевать себя. Но по счастью, Вера казалась настолько занятой сыном, что ничего так и не заметила. Или не хотела замечать?

Он увидел в этом охлаждение. Это, с одной стороны, кольнуло, с другой, развязало руки. С этого момента мужчина и пришел к выводу, что его отношения с ней изжили себя. А значит, он действительно свободен двигаться по жизни дальше.

И да, он постоянно сравнивал обеих женщин. И Вера неизменно проигрывала сравнение. Заикленная на ребен-

ке, какая-то... одомашненная, на своей волне. В конце концов, ей тридцать пять и в ней уже не чувствовалось огня. Но Верховцев протянул еще целый год эти бесполезные отношения, прежде чем решился порвать.

Но тянуть это подобие семьи дальше? Зачем? Ему было хорошо с Викой во всех смыслах. И Вика совсем молода, а мужчине в сорок два всегда льстит, когда его сексуальная партнерша гораздо моложе. Это значительно поднимает личную планку. В конце концов, он имел право обустроить свою жизнь так, как ему нравится, с той женщиной, что ему нравится!

А бывшей гражданской жене и ребенку создать все условия и обеспечить безбедное существование. Это было идеальное решение проблемы.

А в итоге что?! Бывшая умудрилась выставить его чудовищем.

И ведь что поражало больше всего, так это произошедшая с Верой мгновенная метаморфоза. Так, будто чучело кошки превратилось в разъяренную львицу. Ее внезапное появление в офисе до сих пор как удар воспринималось как удар. Рыжая стерва. Сука лживая. На языке горечью дрожало ощущение, что она все это время его обманывала. Потому что так не бывает!

Или бывает, а он просто забыл?

В любом случае это порождало неконтролируемое чувство, что его использовали и выбросили. Насрали в душу.

Потому сейчас, лежа в постели с Викторией, вместо того, чтобы наслаждаться послевкусием хорошего секса, пялился в потолок и не мог избавиться от разъедавшей его обиды.

Хотелось отомстить бывшей жене за все, что он теперь по ее милости чувствовал.

Следующий день для Веры прошел под девизом всех открывателей новых земель – первопроходцев: «Бороться и искать, найти и не сдаваться»*. Она вновь чувствовала себя железной, почти как в старые времена, когда ее место было рядом с Верховцевым во всех смыслах: и в постели, и в офисе, и за столом переговоров.

Вара гнала от себя все непрощенные воспоминания на эту тему. Потому что... Тогда с ее точки зрения, они были равны во всем и вместе «охотились». Мы с тобой одной крови, ты и я*.

Глупость, конечно, заблуждение молодости. А может, просто свойство характера? Патологическая доверчивость. Сейчас-то Вера понимала, что на самом была для него кем-то вроде преданной собаки при охотнике. Постарела собака – охотник, недолго думая, списал ее за профнепригодностью.

Но предаваться рефлексии попросту не было времени. С утра, пока Вовка был в школе, она успела побывать в трех местах. И везде одно и то же. Собеседование, да, им заранее звонила Татьяна Анатольевна, и все же Вере приходилось каждый раз рассказывать все заново. Терпеливо улыбаться, изображать... Впрочем, нет, энтузиазм и трудовой настрой ей изображать не приходилось, он сам из нее пер.

Но. Ни в одном из этих трех мест ей не предложили ниче-

го такого, что бы могло ее устроить. Оставила везде свое резюме и пометила про себя как резервный вариант, если станет совсем уж плохо.

Если станет совсем уж плохо, она готова была бы пойти даже в уборщицы. Но это было делом принципа – вернуться в строй, стать тем, кем она была раньше, добиться большего. Иначе, зачем она уходила от Верховцева? Уборщицей она и в его доме прекрасно работала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.